

С. А. Скорый, Р. В. Зимовец, В. Н. Окатенко

КУРГАН 524 У с. ЖАБОТИН (новое в изучении «опорного» памятника скифской архаики в Украинской Правобережной Лесостепи)

Публикуются материалы полного исследования известного погребального памятника эпохи скифской архаики — кургана 524 у с. Жаботин (бассейн р. Тясмин, Днепровская Правобережная Лесостепь). Приводятся описание и анализ структуры насыпи, остатков погребального сооружения, организации подкурганного пространства, сохранившегося погребального инвентаря. Полученные новые материалы и критический подход к артефактам, обнаруженным при раскопках кургана в 1913 г. А. А. Бобринским, ставят под сомнение датировку жаботинского кургана 524 в рамках VIII или рубежа VIII—VII вв. до н. э.

Ключевые слова: курган, раннескифское время, Жаботин, бассейн р. Тясмин.

Летом 2019 г. Скифская Среднеднепровская экспедиция Института археологии НАН Украины осуществила полное исследование известного погребального памятника эпохи скифской архаики — кургана 524 у с. Жаботин Каменского р-на Черкасской обл. (бассейн р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье) ¹.

Археологическим работам на кургане предшествовали его тщательное обследование поздней осенью 2018 и весной 2019 гг. ², а также

1. Начальник экспедиции С. А. Скорый. Руководство экспедиции — Р. В. Зимовец, В. Н. Окатенко. Работы были проведены 22 июля — 12 августа 2019 г. Состав экспедиции: С. А. Куприй, А. В. Корохина (Киев), А. В. Коротя (Сумы — Котельва), А. М. Голубев, Р. И. Кравченко, Н. Н. Фильчаков, К. В. Сухорукова, Р. А. Тимошевский, И. В. Билько (Харьков), Ю. Ю. Ляшко, С. Ю. Ляшко (Каменка), бульдозерист М. М. Задорожный (Смела).
2. В ноябре 2018 г. обследование памятника осуществляли С. А. Скорый, Р. В. Зимовец и директор Каменского краеведческого музея Ю. Ю. Ляшко,

комплекс геофизических исследований (георадарная, магнитометрическая съемки, применение метода комплексного обнаружения металлов), показавший некие аномалии в пределах насыпи изучаемого памятника ³.

Напомним, что в 1913 г. данный курган был частично раскопан А. А. Бобринским, который присвоил ему номер 524 (DXXIV), исходя из общей нумерации исследованных им погребальных памятников, с географической привязкой к г. Смела.

К моменту исследований курган, по данным А. А. Бобринского, имел высоту 5,40 м, при диаметре 68 м. В ходе раскопок было выявлено основание большой наземной погребальной конструкции и некоторые вещи, оставшиеся в ней после древнего ограбления. Краткий отчет о проделанной работе, с 4 иллюстрациями обнаруженных предметов, был опубликован в «Известиях императорской Археологической комиссии» (вып. 60). Однако какие-либо чертежи или фотографии, связанные с данным

в апреле 2019 г. — те же лица и А. Д. Могилов. При осмотре поверхности кургана А. Д. Могиловым найден невыразительный фрагмент небольшого лепного кубка. Нужно отметить, что и ранее курган 524 был в сфере внимания исследователей ИА НАН Украины. В частности, в период работы Жаботинской экспедиции ИА НАН Украины 2007—2010 гг., курган 524 не только осматривали ее сотрудники, но и выполнили 3D-моделирование памятника, что нашло отражение в монографии М. Н. Дараган (Дараган 2011, рис. II: 21А).

3. Геофизические исследования в мае 2019 г. произвели специалисты ООО «ЛИМД» (Киев) под руководством А. В. Кадуна. Для проверки наличия металлических изделий в насыпи был применен металлодетектор серии LORENZ DEEPMAX Z1 (Геофизический... 2019).

памятником, в публикации А. А. Бобринского отсутствуют (Бобринской 1916). Артефакты, найденные в кургане, поступили в собрание Государственного Эрмитажа, где хранятся и поныне (фонды Отдела археологии Восточной Европы и Сибири)¹

Несмотря на отсутствие упомянутой научной документации, курган 524 у с. Жаботин прочно вошел в круг археологической литературы по раннему железному веку, более того, со временем стал трактоваться, как один из наиболее ранних, опорных памятников глубокой скифской архаики, прежде всего, для Днепровского Лесостепного Правобережья. При этом, хронологические позиции кургана со временем пережили определенную эволюцию.

Нет нужды приводить весьма обширный перечень работ, в которых фигурируют в той или иной степени материалы кургана 524 у с. Жаботин. Достаточно упомянуть хотя бы следующие научные труды обобщающего или более узкого характера, где есть сведения по данному погребальному памятнику (Мелюкова 1964, с. 17; Іллінська 1973; Ильинская 1975, с. 20, табл. VII; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 234, 235, 237; Полін 1987, с. 20, 21, рис. 3: 12—16; Kossack 1987, S. 42—48, 84, Abb. 11; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 159; Петренко 1990, с. 61, 73, 74; Медведская 1992, с. 87; Смирнова 1993, с. 105; Иванчик 2001, с. 176, 177, рис. 84; Алексеев 2003, с. 380, рис. 10: 1, 2; Скорый 2003, с. 38, 39, рис. 4; Махортых 2003, с. 47, 122, рис. 50: 10, 11; Эрлих 1991, с. 35; 2007, с. 130, 179, 180; Вальчак 2009, с. 251, рис. 64: 1—4; Дараган 2011, с. 68, рис. II: 22, с. 571, 572).

С начала 2000-х гг. курган 524 и комплекс сохранившихся предметов, находящихся в собрании Государственного Эрмитажа, стал предметом исследований Т. В. Рябковой. Ею написан ряд работ, касающихся тех или иных вопросов, связанных с данным погребальным памятником (Рябкова 2005; 2007, 2008; 2009;

2010а, с. 310; 2010б, с. 90, ил. 1: 1, с. 99; 2011; 2012) и, в конечном итоге, издано обобщающее, основательное исследование о кургане 524 у с. Жаботин в целом (Рябкова 2014). Тщательно проанализировав указанный комплекс вещей Т. В. Рябкова постулировала его многокомпонентность и выделила в их кругу, с точки зрения генезиса, 3 основные группы изделий: местные, северокавказские и центральноазиатские (или их реплики).

Мотивы, стимулирующие полное исследование данного памятника Скифской Среднеднепровской экспедицией ИА НАН Украины более чем через 100 лет после первоначальных работ на нем, были разнообразны. В их числе: 1) ежегодная распахка насыпи в ходе сельскохозяйственных работ, что, в конечном итоге, вело к разрушению кургана²; 2) наметившаяся в последнее время тенденция резкого удревнения данного археологического комплекса, что изначально представлялось нам недостаточно обоснованным³; 3) наконец, приближающийся юбилей (100-летие со дня рождения) выдающегося украинского скифолога В. А. Ильинской, выделившей на основании изучения колчанного набора в кургане 524 наконечники так называемого жаботинского типа — двулопастные длинновтульчатые с ромбической головкой и обычно шипом в основании втулки (Іллінська 1973).

Курган 524 расположен к северо-востоку от центра с. Жаботин, на плоском высоком плато, возвышающемся с юга над речкой Жаботинкой и бывшим с. Завадовка. С южной и северо-восточной сторон плато ограничено оврагами и крутыми склонами (рис. 1). Данное место известно у местного населения, как урочище Вершина. Сам же курган фигурирует под названием «Могыла» (укр.).

Памятник входил в состав курганной группы из 2 насыпей (группа I, по Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессоновой, С. А. Скорому), из зафиксированных в свое время близ с. Жаботин (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989,

1. По сведениям, хранящимся в Архиве ИИМК, «значительную помощь графу А. А. Бобринскому в организации разведок и раскопок оказывали братья (?) Антон и Самсон Коломийцевы, поскольку именно Антон Коломийцев расписывался в ведомостях — видимо, был организатором и руководителем рабочих, производивших раскопки. Вероятно, это была не постоянно работающая артель, а нанятые в селе крестьяне — по табелям заметны изменения в составе раскопной группы. Начали раскапывать курган 26 августа, закончили 12 сентября. Таким образом, работали чуть более 2 недель, число работников менялось: первую неделю работали 7 человек, но уже к концу недели, когда стал ясен объем работ, количество рабочих увеличилось до 13. Основная работа была выполнена за 8 рабочих дней силами 19 человек. Курган находился на землях крестьянина Василия Савченко, которому было уплачено за право «раскопки кургана» и за его последующую засыпку» (Рябкова 2014, с. 374, 375).

2. Курган располагается на землях сельскохозяйственного предприятия ТОВ «Олимп» (г. Каменка Черкасской обл.). Искренне благодарим главного агронома данной агрофирмы И. И. Косенко за предоставленную возможность провести археологические работы с применением тяжелой землеройной техники на сельхозугодиях упомянутого предприятия.

3. Один из авторов данной работы писал еще в 2003 г.: «Проблематичность столь ранней датировки памятников скифской архаики (со второй половины VIII в. до н. э.), в том числе лесостепных, крайняя дискуссионность этого вопроса, заставляют с большой осторожностью относиться к тенденции резкого удревнения целого пласта древностей скифской поры, в том числе в Лесостепном Правобережье» (Скорый 2003, с. 34). Речь идет о дате погребений раннескифского периода (РСК 1, по Г. Коссаку и И. Н. Медведской, 750—700 гг. до н. э.; см. там же, с. 33).

Рис. 1. Локалізація кургана 524 в урочище Вершина, близ с. Жаботин, относительно иных памятников раннего железного века в микрорегионе бассейна р. Тясмин: 1 — на военно-топографической карте; 2 — на топографической карте ГосГеоКадастра Украины

Рис. 2. Курган 524 перед началом раскопок. 22 июля 2019 г.

с. 159). Один из курганов (№ 523, по нумерации А. А. Бобринского) располагался на узкой возвышенности, в 0,25 км к югу—юго-западу от кургана 524 (рис. 1). Он также был раскопан названным исследователем в 1912 г. Скифское погребение, остатки которого были открыты в кургане, оказалось опустошительно ограбленным (Бобринской 1914, с. 102—103). Сохранившиеся немногочисленные предметы (обломки античной керамики и несколько бронзовых наконечников стрел) позволили отнести захоронение ко времени не позже V в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 159).

Следует также подчеркнуть, что напротив урочища Вершина, где расположен курган 524, примерно в 1,1 км к востоку от него, находится Тарасова Гора с известным памятником оседлого населения — Жаботинским поселением (рис. 1). Изучение его материалов позволило выделить в свое время особый этап в археологии раннего железного века Днепровского Лесостепного Правобережья — жаботинский (Покровская 1973).

К моменту исследований Скифской Среднеднепровской экспедиции курган, по данным топографической съемки, имел высоту до 3,0 м (от современной поверхности), слегка овальную, вытянутую с севера на юг насыпь, сужаю-

щуюся в указанных направлениях, с параметрами 55 (С—Ю) × 50 (В—З) м (рис. 2, 3).

Памятник исследован на снос, 5 основными траншеями, с оставлением шести бровок, ориентированных по оси С—Ю (рис. 4) Ширина Центральной траншеи 7,0 м (учитывалось разрушение центра насыпи раскопочным котлованом А. А. Бобринского), остальные по 3,5 м, на ширину хода бульдозера¹. Ширина двух бровок в центре — 1,5 м, остальные — 1,0 м.

В итоге получено 12 профилей насыпи, давших полное представление об ее устройстве.

Ход полевых работ, помимо использования традиционных методов, фиксировался с помощью БПЛА (А. Коротя).

При полевых работах на подкурганном пространстве, в Центральной, Восточной первой и Западной первой траншеях обнаружено в одиночном состоянии 9 костей животных, принадлежащих быку и коню². Возможно, следы

1. Насыпь кургана снята с помощью гусеничного бульдозера Т-130. После окончания археологических работ была осуществлена полная планировка участка, охватывающего площадь до 0,5 га.
2. Палеозоологическое определение произведено к. б. н. Е. Ю. Яниш (Институт зоологии им. И. И. Шмальгаузена НАН Украины).

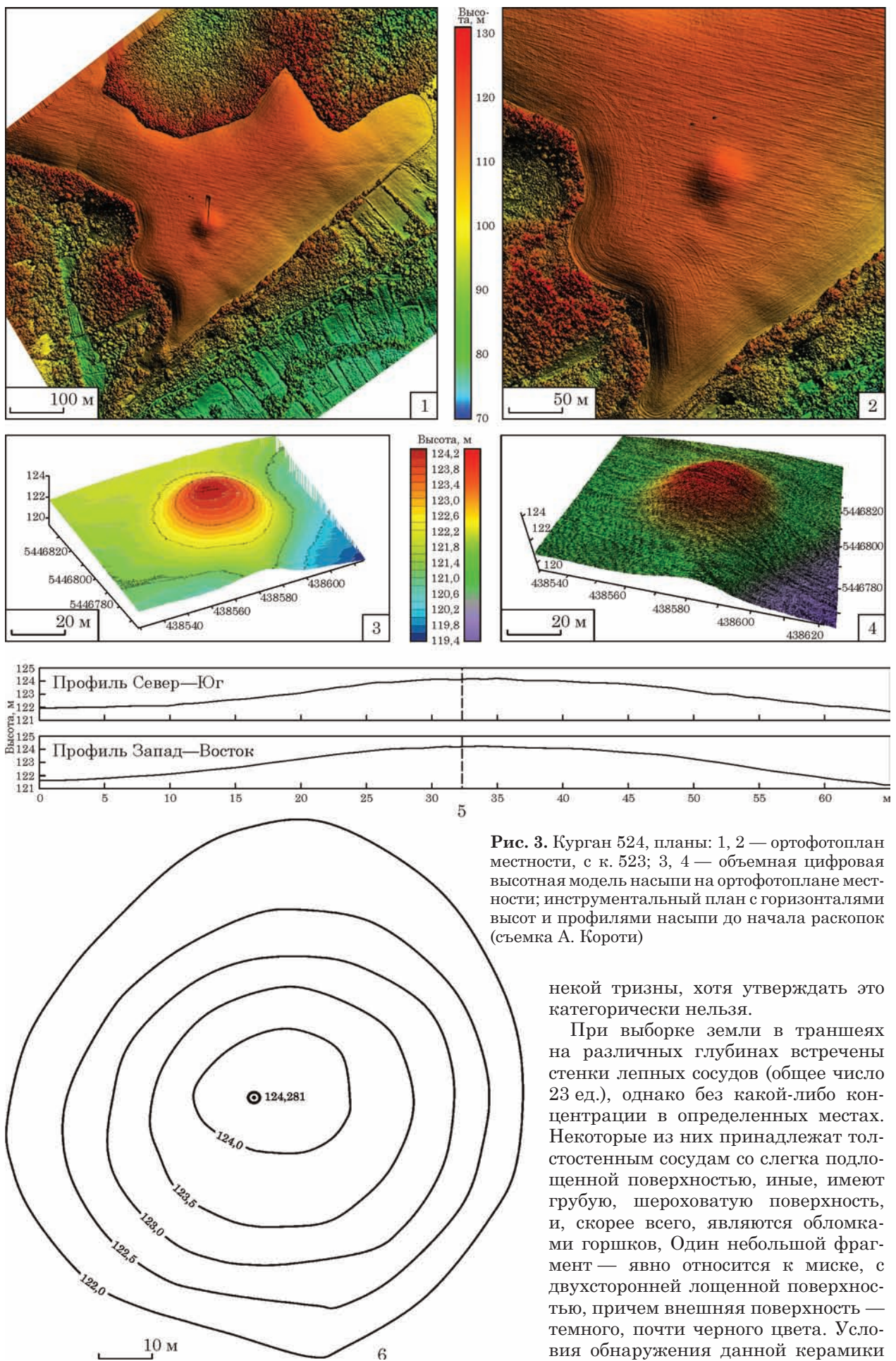

Рис. 3. Курган 524, планы: 1, 2 — ортофотоплан местности, с к. 523; 3, 4 — объемная цифровая высотная модель насыпи на ортофотоплане местности; инструментальный план с горизонталями высот и профилями насыпи до начала раскопок (съемка А. Короти)

некой тризны, хотя утверждать это категорически нельзя.

При выборке земли в траншеях на различных глубинах встречены стенки лепных сосудов (общее число 23 ед.), однако без какой-либо концентрации в определенных местах. Некоторые из них принадлежат толстостенным сосудам со слегка подлощенной поверхностью, иные, имеют грубую, шероховатую поверхность, и, скорее всего, являются обломками горшков. Один небольшой фрагмент — явно относится к миске, с двухсторонней лощенной поверхностью, причем внешняя поверхность — темного, почти черного цвета. Условия обнаружения данной керамики

Рис. 4. Курган 524 у с. Жаботин: 1 — трассировка насыпи по оси север—юг; 2 — южный участок радиальной обкладки деревом первой насыпи кургана; 3 — панорама раскопок

не дают убедительных оснований видеть в них следы поминальной тризны.

Однозначно нельзя связывать напрямую с курганом 2 венчика лепных мисок, найденных в насыпи при выборке грунта в Западной I-й и Восточной II-й траншеях. Они украшены орнаментом, свойственным предскифской керамике расположенного неподалеку Жаботинского поселения на Тарасовой Горе (Дараган 2011, с. 413, 485, рис. IV.13) и, попали в насыпь, скорее всего, случайно.

Пожалуй, следует также добавить, что в насыпи эпизодически встречались стенки лепных грубых сосудов, некоторые с расчесами, относящиеся к эпохе бронзы. Возможно, это свидетельство того, что какая-то часть грунта доставлялась на место сооружения кургана с близлежащих окрестностей. Во всяком случае, при осмотре распаханой поверхности вблизи кургана фрагменты керамики практически не встречены.

В процессе раскопок удалось получить информацию по комплексу вопросов, как-то: 1) устройство насыпи кургана; 2) характер основания Центральной наземной гробницы; 3) организация близлежащего к Центральной гробнице подкурганного пространства; 4) методика раскопок А. А. Бобринского; 5) погребальный инвентарь.

Остановимся на каждом из указанных вопросов более подробно.

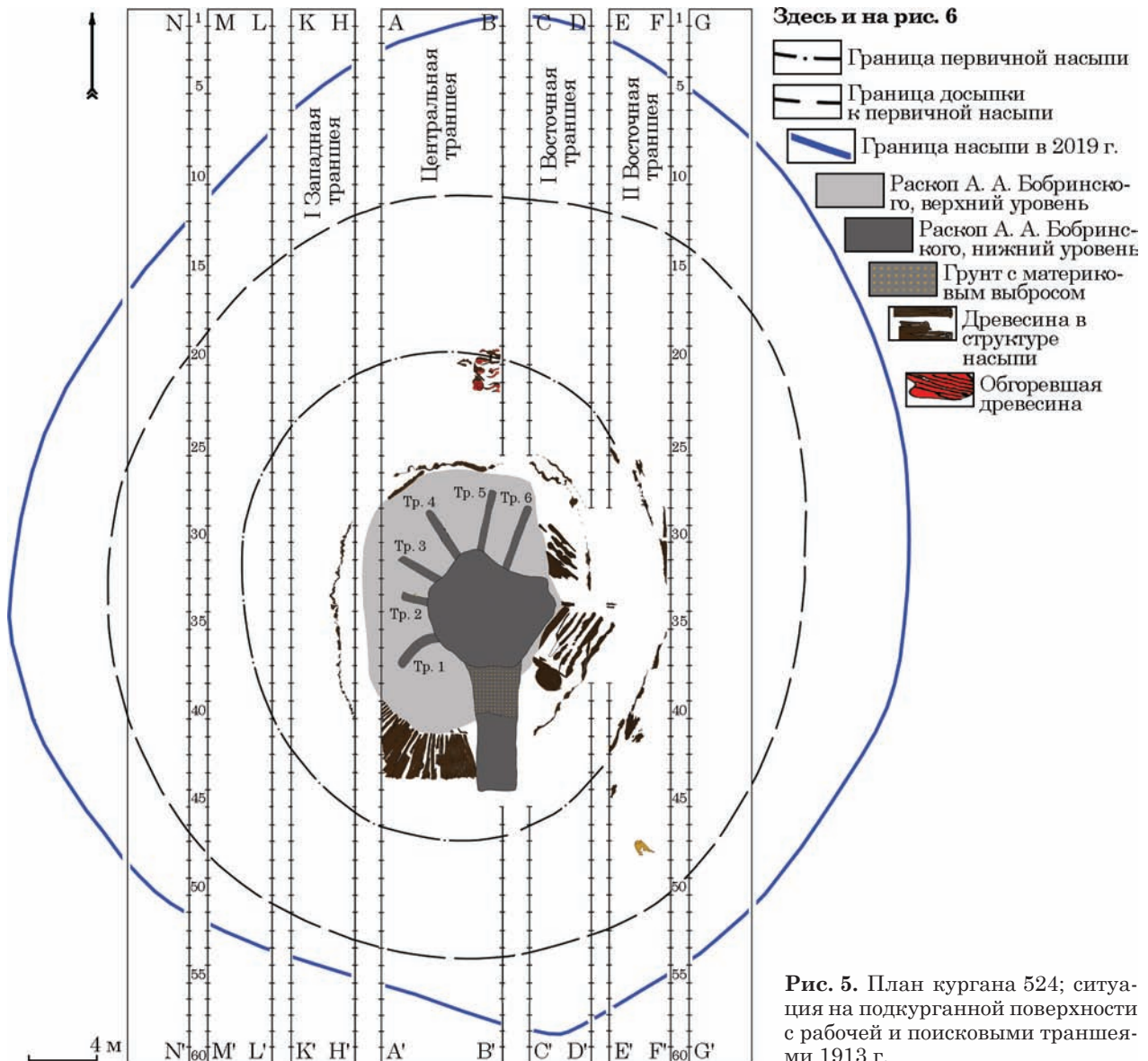
1. УСТРОЙСТВО НАСЫПИ КУРГАНА

Перед тем, как перейти к конкретному описанию устройства насыпи, четко зафиксированному в ходе полевых исследований, акцентируем внимание на одном странном, на первый взгляд, обстоятельстве.

Речь идет о размерах кургана 524, сведения о которых сообщаются в публикации А. А. Бобринского, и тех, которые зафиксированы нами пе-

ред началом раскопок, т. е. высоте 5,40, при диаметре примерно 68 м (А. А. Бобринской), и высоте до 3,0 м, при размерах 55 × 50 м (данные 2019 г.). Если предположить, что курган при высоте 5,40 м распахивался в течение продолжительного времени, перемещенный объем земли, имеющий в центре мощность почти до 3,0 м, должен был а priori увеличить диаметр кургана. Но этого, однако, не наблюдается. Диаметр кургана даже несколько уменьшился при уменьшении насыпи почти на 3,0 м. Эту ситуацию можно объяснить лишь одним — преднамеренным удалением части черноземной насыпи. Похоже, что этот факт действительно имел место, поскольку, по воспоминаниям старожилов, в послевоенный период с кургана производили отбор чернозема на сельскохозяйственные нужды. Правда, можно предположить и иное. Раскопки при работах 1913 г. грунт центральной части насыпи складировали отдельно, вблизи кургана, а не раскидывали по сторонам. Об этом, возможно, свидетельствует фиктивная насыпь слегка продолговатой формы, к югу от № 524 (рис. 3), которую мы приняли за еще один небольшой курган, проверив с помощью бульдозера. В более же позднее время уже добирался чернозем непосредственно с насыпи 524.

Следует также отметить иной факт. По данным геомагнитной и георадарной съемок, осуществленных перед началом раскопок (Геофизический... 2019), с западной и восточной сторон насыпи фиксировались некие аномалии в виде дуг, будто бы некая выборка земли, что породило версию о наличии кольцевого рва. Однако в ходе осуществленных раскопок она не подтвердилась. В равной степени ошибочна мысль и о наличии второй гробницы под курганной насыпью, на что, как будто, указывали аномалии, зафиксированные упомянутыми съемками, к северу от Центральной наземной гробницы.

Данные стратиграфии насыпи (как уже отмечалось 12 профилей) неоспоримо свидетельствуют, что она возводилась в два приема.

Обе насыпи сложены из однородного, довольно темного чернозема.

Первая насыпь была сооружена над наземной деревянной гробницей, остатки которой открыл в 1913 г. А. А. Бобринской (рис. 5, 6). Стратиграфически ее вид и размеры фиксировались в трех раскопочных траншеях (Центральная, Западная I-я, Восточные I-я и II-я) и на семи профилях бровок. При этом абрис насыпи целиком виден на профилях Н—Н' (Западная I-я траншея), Д—Д' (Восточная I-я траншея), Е—Е' (Восточная II-я траншея; рис. 7). Самый центр насыпи (т. е. наиболее высокая его часть) был разрушен котлованом А. А. Бобринского. Тем не менее, высота насыпи в профилях А—А' (Центральная траншея) и С'—С (Восточная I-я траншея) вполне реконструируются (рис. 7). По данным стратиграфии профиля С'—С, высота

первой насыпи от уровня древнего горизонта могла быть до 3,80 м, а с учетом разрушения центральной части кургана — до 4,0 м. Диаметр первой насыпи, принимая во внимание ее контуры на всех профилях, составлял примерно 29 (север—юг) × 25 м (восток—запад), т. е. она имела овальную слегка вытянутую с севера на юг форму (рис. 5, 6).

Насыпь кургана первоначально была полностью обложена радиально дубовыми плахами. В центральной части выкладка основательно разрушена раскопочным котлованом и траншеей А. А. Бобринского (рис. 5, 6), но на отдельных участках и в профилях эта «шатровая» конструкция фиксировалась чрезвычайно четко (рис. 7). Особенно хорошо сохранился участок радиальной обкладки в южной части Западной I-й траншеи (рис. 4—6). Ширина плах здесь от 10 до 20 см. Некоторые из расчищенных плах имели длину 2,0—2,5 м. На отдельных из них фиксировались следы горения.

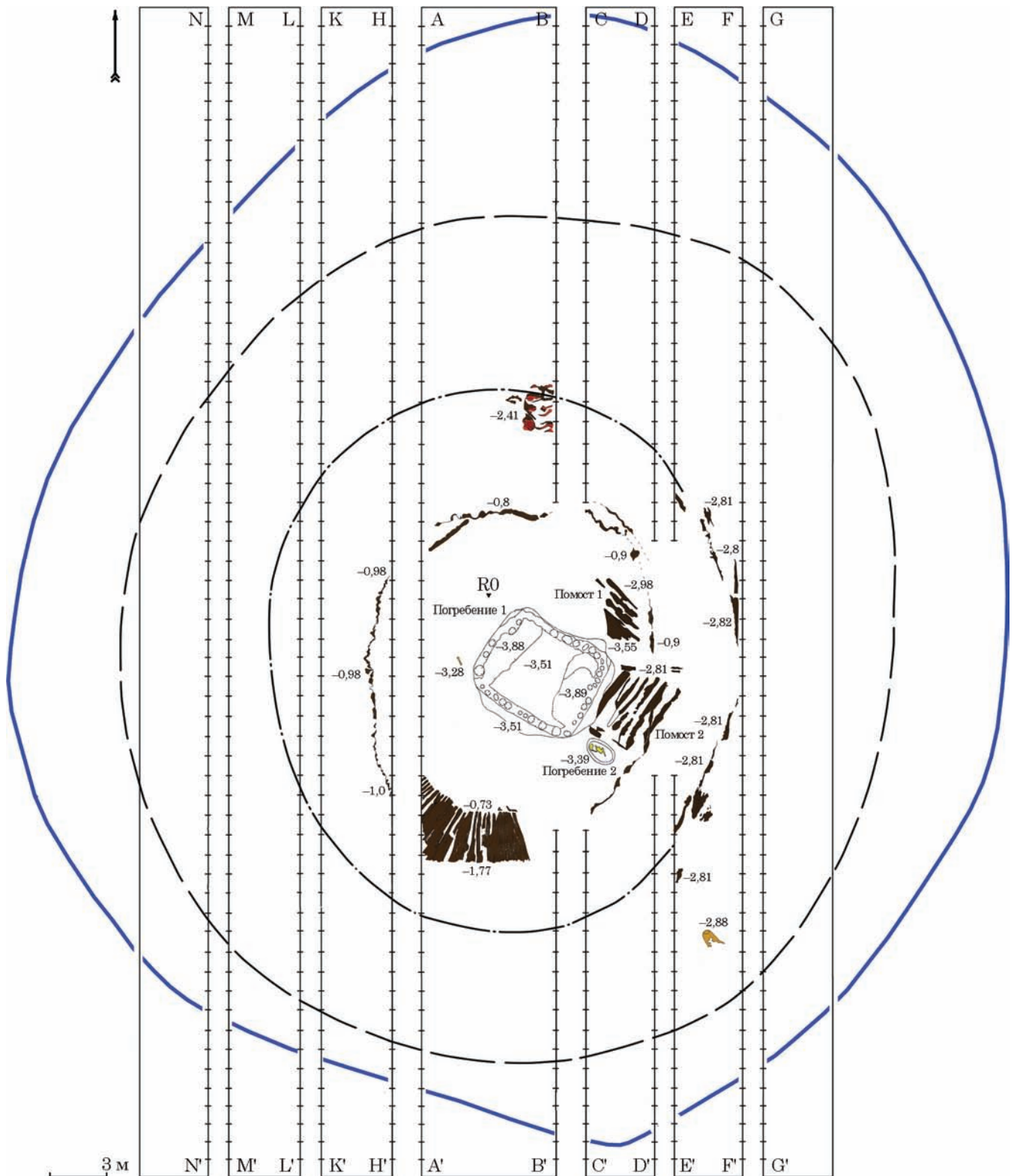
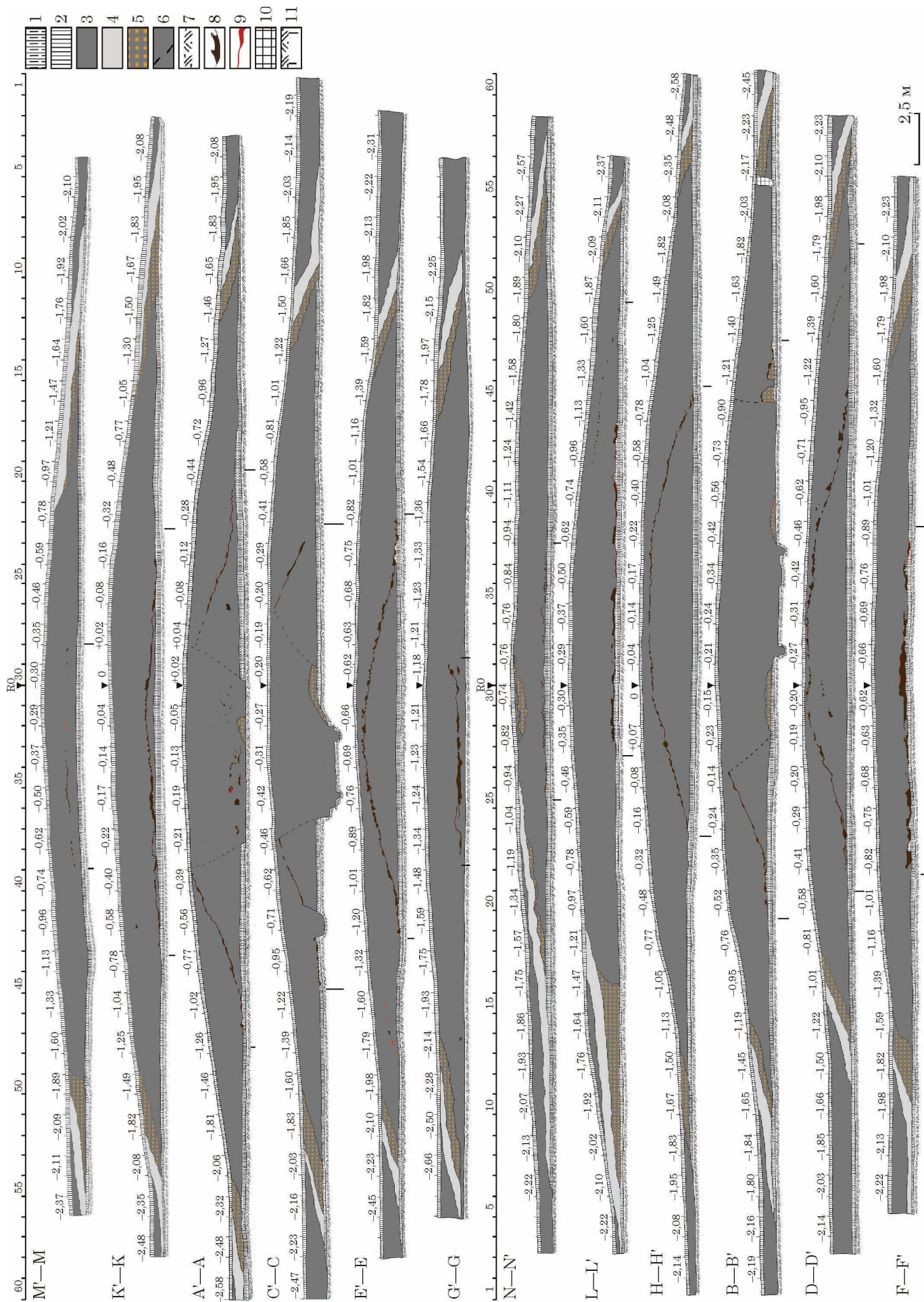

Рис. 6. План кургана 524; без рабочих и поисковых траншей 1913 г.

Рис. 7. Профили кургана 524 у с. Жаботин; **условные обозначения:** 1 — древняя дневная поверхность; 2 — пахота; 3 — чернозем; 4 — серый грунт; 5 — грунт с материковым выкидом; 6 — контур раскопа А. А. Бобринского; 7 — материк; 8 — остатки дерева; 9 — обгоревшее дерево; 10 — современное нарушение насыпи; 11 — фрагменты профилей с указанием остатков первой насыпи

Зачастую встреченные плахи столь ровные, словно, некоторые из них были оструганы.

Вторая насыпь (или досыпка) значительно увеличила размеры кургана. Диаметр ее фиксируется практически во всех профилях наличием специальных, в основном, двухслойных своеобразных крепид, сооруженных из глинистого и серого грунтов, отличающихся от чернозема насыпи (рис. 7). Эти крепида четко ограничивают диаметр второй насыпи (или досыпки), охватывая подножие кургана и на определенную высоту — склоны. Длина крепида колеблется от 5,0 до 7,5 м, при максимальной толщине 1,0—1,20 м.

Максимальный диаметр второй насыпи, по стратиграфическим данным профилей, составляет не более 47 (север—юг) на 40 м (восток—запад; рис. 5, 6). Она также имеет форму правильного овала.

Учитывая сведения А. А. Бобринского, о том, что курган к моменту его исследования имел диаметр примерно 68 м, складывается вполне определенное впечатление: ко времени раскопок 1913 г. насыпь кургана уже была основательно распахана.

Возникает вопрос: какова же была первоначальная высота кургана после досыпки, если в десятых годах XX в. она достигала 5,40 м? В свое время один из авторов данной работы привел сводки больших курганов скифской эпохи в Днепровском Лесостепном Правобережье, в которых отражено сочетание диаметра и высоты памятника в наши дни (Скорый 1990, с. 106, 107). Из них вполне очевидно, что некоторые курганы диаметром около 50 м, вполне могли иметь высоту 7,0 м и более.

Мы не знаем, каков был хронологический промежуток между созданием первой и второй насыпей кургана. Их грунт — чернозем, мало чем отличается по внешнему виду. Четким разграничением двух насыпей являются лишь остатки радиальной обкладки на первой из них.

Стало почти аксиомой в курганной археологии, что наличие досыпки (или второй насыпи) в кургане предполагает а priori присутствие второго, впускного погребения (или погребений). Однако, в кургане 524 у с. Жаботин эта закономерность отсутствует. Досыпка явно есть, впускной могилы (или могил) явно нет. Версия о том, что в насыпи могло быть некое захоронение и оно разрушено, скажем, в ходе работ 1913 г. не может приниматься во внимание. Курган копали вручную, лопатами, достаточно наблюдательные люди (они, к примеру, нашли ряд мелких вещей в ограбленной в древности Центральной гробнице), и допустить, что раскопщики могли пропустить какое-либо погребение — просто не реально.

Остается лишь одно: предположить, что в силу, очевидно, достаточно высокого статуса погребенного (-ых) в Центральной гробнице, насыпь кургана через некоторое, возможно,

небольшое время (например, через год) была основательно увеличена.

Наличие шатровой конструкции в кургане 524 у с. Жаботин (а не «двух крыш» — как считал в свое время А. А. Бобринской) совершенно не должно удивлять, более того, на наш взгляд, вполне закономерно. Вспомним, что именно в этом районе, по сути, во всех в той или иной степени исследованных курганах раннескифского времени обнаружены шатровидные конструкции, дерево которых не обожжено, слегка обожжено или сгорело практически полностью. Речь идет о кургане Червона Могила у с. Флярковка, относящемуся к концу VII — началу VI вв. до н. э., а также двух частично раскопанных курганов, на одном из которых (высота 5,0 м) в свое время проводил работы В. В. Хвойка (Ковпаненко 1984, с. 107—112, 113; 1998).

Шатровые (шатровидные) конструкции в курганах раннего железного века евразийского региона известны довольно хорошо, в том числе в лесостепных древностях раннескифской поры на Юге Восточной Европы. По-видимому, своими истоками они восходят к погребальным конструкциям эпохи бронзы и получили достаточно широкое распространение в кочевом мире скифской эпохи. Для территории Лесостепи шатровидные надмогильные конструкции, безусловно, являются этнокультурным маркером, фиксирующим проникновение степных кочевников в данные пределы (Скорый 1987; Скорый 2003, с. 53).

2. ХАРАКТЕР ОСНОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАЗЕМНОЙ ГРОБНИЦЫ

К счастью, углубленное основание наземной погребальной конструкции Центральной гробницы, которую открыл в 1913 г. А. А. Бобринской, оказалось, в основном, не нарушенным в ходе упомянутых раскопок. Более того, во всех столбовых ямах, располагавшихся по периметру основания, сохранились в той или иной степени остатки дерева от столбов (рис. 8, 9). Это позволяет нам не только провести объективное описание объекта, но и сравнить полученную информацию с той, что в свое время была опубликована А. А. Бобринским.

Отметим, что к моменту открытия основания гробницы, оно было заполнено в основном темным черноземом, лишь в центральной части фиксировались прослойки материковой глины толщиной до 0,20 м. В северной половине углубленного основания — канавке для фиксации столбов, в нижней части заполнения, т. е. забутовке данной столбовой конструкции, найдены ручки античной амфоры и невыразительный фрагмент стенки лепного сосуда с подлощенной поверхностью. В южной части зафиксировано несколько сильно разрушенных человеческих костей.

Углубленное основание наземной бревенчатой конструкции ориентировано по оси СЗ—ЮВ, что вполне *совпадает* с информацией А. А. Бобрин-

Рис. 8. Углубленное основание Центральной гробницы (погребение 1), фото: 1—3 — с канавками по периметру со столбовыми ямками и остатками дерева; 4 — с лучевидными поисковыми траншеями 1913 г.; 5 — один из крупных дубовых столбов в канавке основания гробницы

ского. Основание имеет почти прямоугольную форму, хотя углы его слегка закруглены. Оно ограничивается прокопанной с уровня древнего чернозема канавкой шириной до 0,50 м, впущенной в материк примерно на 0,60 м, в дне которой, в свою очередь, находятся ямки для столбов различного диаметра и глубины (рис. 8, 9).

Вместе с тем, реальные размеры основания наземной гробницы отличаются от тех, что приведен в публикации А. А. Бобринской. У него — длина склепа (по оси СЗ—ЮВ) равна 6,3 м, ширина

5,45 м, т. е. общая площадь гробницы — около 35 м² (Бобринской 1916, с. 3). На самом деле размеры гробницы иные: с внутренней стороны основания столбов они равны 5,5 × 4,0 м, т. е. 22,0 м², по внешней линии столбов — 6,0 × 4,7 м, т. е. 28,2 м². Вполне очевидно: размеры погребальной конструкции явно преувеличены.

Общее количество столбов, составлявших стены погребальной конструкции, их диаметр также весьма отличаются от данных, приводимых А. А. Бобринским.

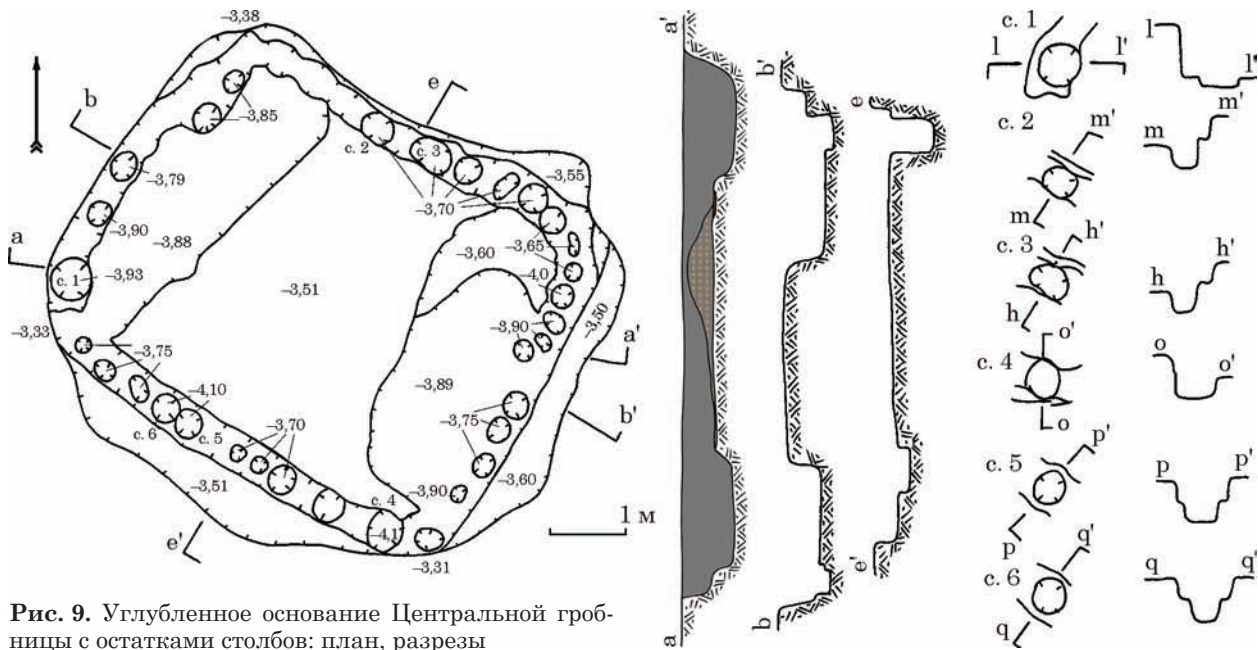

Рис. 9. Углубленное основание Центральной гробницы с остатками столбов: план, разрезы

Так, число столбов в реалии равно 34, при этом ямки от двух из них (в северо-восточном углу) были столь мелки, что с трудом просматривались на дне канавки. По длинным сторонам их было 9, северо-восточная стена, и 10, юго-восточная стена. По коротким сторонам — соответственно — 5 столбов, северо-западная стена, и 10, юго-восточная. В публикации же А. А. Бобринского упоминаются 54 столба (т. е. на 20 столбов больше), при этом по 16 — вдоль длинных стен, по 11 — вдоль коротких (Бобринской 1916, с. 3).

Стоит также добавить, что по всем четырем углам не фиксировались остатки столбов «огромных размеров», о чем речь идет в публикации А. А. Бобринского. На самом деле, лишь 2 столба отличаются большими диаметрами: один из них находился в юго-западном углу, другой — примерно по центру длинной, северо-восточной стены (рис. 8, 9). Диаметр сохранившейся основы этих столбов достигает 0,50 м (рис. 8: 5). В целом же, диаметр столбов колеблется от 0,20 до 0,35 м. Наименьшим диаметром отличаются столбы юго-восточной стенки погребальной конструкции.

Не наблюдаются и следы обожжения нижних концов столбов, вставленных в канавку, о чем сообщает А. А. Бобринской (1916, с. 3).

Изучение остатков древесины показало, что столбы были изготовлены из дуба черешчатого (*Quercus robur* L.)¹.

Любопытно то, что буквально под основаниями всех столбов земля имеет зеленовато-серый цвет, похоже, свидетельствующий о том, что в канавке был затек воды. Т. е. можно предположить, что после ее прокапывания, до установки

столбов, прошел дождь, что и привело к образованию затека.

Нужно отметить еще один немаловажный момент. Реальный уровень пола, на котором в свое время размещались погребенные лица и вещи, сохранился лишь в центральной части основания склепа, между стенами, на ширину 2,0—4,5 м. С двух сторон, северо-западной и юго-восточной, прокопы на глубину до 0,50 м при этом материковая глина из них выкладывалась на сохранившийся участок пола (рис. 8, 9).

Полагаем, что в указанных местах пол был перекопан в 1913 г. именно потому, что на данных участках были найдены предметы погребального инвентаря, и раскопщики надеялись на обнаружение неких тайников.

Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется и наличие с северо-западной и северо-восточной сторон основания склепа 6-ти поисковых траншей различной длины, ширины и глубины, лучеобразно идущих от погребальной конструкции в стороны. Их размеры по часовой стрелке: № 1 — длина 2,50; ширина 0,45; глубина 0,40 м; № 2 — соответственно — 1,50; 0,45; 0,30 м; № 3 — 2,70; 0,30—0,50; 0,15 м; № 4 — 3,10; 0,50; 0,50 м; № 5 — 3,50; 0,35—0,40; 0,30 м; № 6 — 3,80; 0,30—0,40; 0,50 м (рис. 8: 4; 10).

В заполнении канавки 2 найдена обломанная берцовая кость (женщина, молодого возраста)², вероятно, перемещенная туда из могилы кем-то из раскопщиков.

Ситуация с наличием системных поисковых траншей, идущих от стен погребальной камеры в стороны, с целью обнаружения тайника (?) или каких-либо дополнительных погребальных конструкций, зафиксированная в Центральной

1. Здесь и далее: определение породы дерева произвел А. И. Попов, инженер 1 категории Ботанического сада Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

2. Антропологическое определение осуществлено с. н. с. отдела биоархеологии ИА НАН Украины к. и. н. А. Д. Козак.

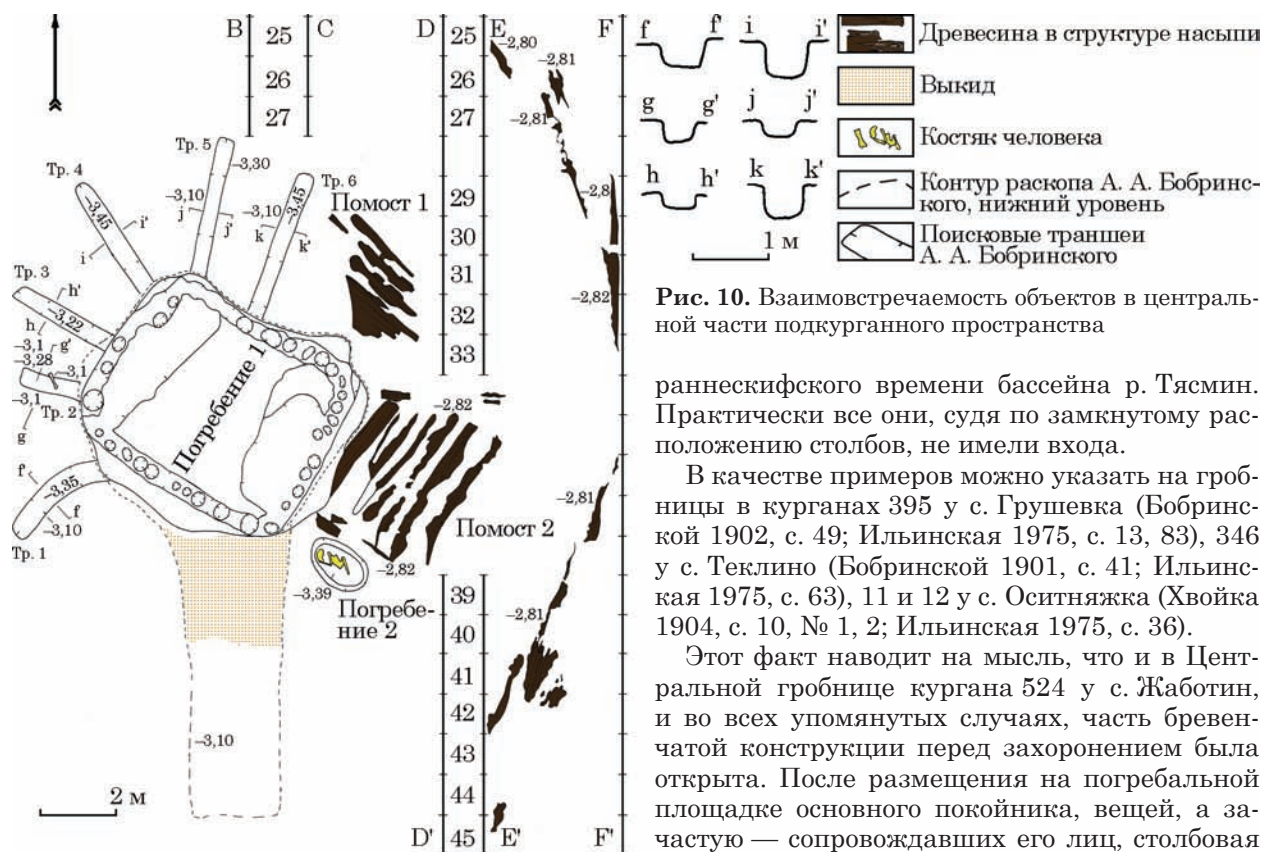

Рис. 10. Взаимовстречаемость объектов в центральной части подкурганного пространства

гробнице Жаботинского кургана 524, переключается с той, что мы встретили при исследовании скифской гробницы V в. до н. э. в кургане Орликова Могила на Кировоградщине в 2018 г. Там материковые стены могилы были пробиты почти прямой линией ям — круглых поисковых траншеек, выполненных с помощью пневматического бура (Скорый и др. 2019, с. 166, рис. 10).

Мы не знаем высоту бревенчатых стен наземной конструкции или деревянного склепа, а также устройство крыши. Однако довольно большой диаметр большинства столбов позволяет предположить, что высота стен могла быть до 2,0 м. Крыша же конструкции, поскольку в центре нет опорных столбов, скорее всего, была плоской.

Интересно отсутствие в склепе входа как такового. Подобный факт засвидетельствован не только в кургане 524 у с. Жаботин, но и у целого ряда иных погребальных памятников, в первую очередь, раннескифского времени Лесостепи.

По классификации, предложенной в свое время В. А. Ильинской, гробница в кургане 524 относится к деревянным склепам со впущенным в грунт основанием (Ильинская 1975, с. 79). Подобные подкурганые конструкции характерны, прежде всего, для древностей Днепро-Донецкого Правобережья, хотя изредка фиксируются и в Левобережной Лесостепи, например, в бассейне Северского Донца (Окатенко, Скорый, Зимовец 2018, с. 224, рис. 9, с. 226, 227, рис. 10, 11). В Днепро-Донецкой Правобережной Лесостепи они встречаются в пределах всего региона, но более свойственны для курганов

раннескифского времени бассейна р. Тясмин. Практически все они, судя по замкнутому расположению столбов, не имели входа.

В качестве примеров можно указать на гробницы в курганах 395 у с. Грушевка (Бобринской 1902, с. 49; Ильинская 1975, с. 13, 83), 346 у с. Теклино (Бобринской 1901, с. 41; Ильинская 1975, с. 63), 11 и 12 у с. Оситняжка (Хвойка 1904, с. 10, № 1, 2; Ильинская 1975, с. 36).

Этот факт наводит на мысль, что и в Центральной гробнице кургана 524 у с. Жаботин, и во всех упомянутых случаях, часть бревенчатой конструкции перед захоронением была открыта. После размещения на погребальной площадке основного покойника, вещей, а зачастую — сопровождавших его лиц, столбовая конструкция закрывалась полностью.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ БЛИЗЛЕЖАЩЕГО ПОДКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА

Открытые в центре подкурганного пространства и расположенные вблизи друг от друга Центральная гробница 1 (а точнее — ее основание), 2 помоста (или настилы), выложенные из дерева, и погребение 2, несомненно, составляли единый синхронный погребально-ритуальный комплекс кургана (рис. 10—12). Остановимся конкретнее на каждом из входящих в него объектов.

Помосты или настилы. Находятся с северо-восточной (помост 1) и юго-восточной (помост 2) сторон Центральной гробницы, на небольшом расстоянии друг от друга.

Помост 1 примыкает, по сути, к северо-восточной, длинной стороне Центральной гробницы, находясь примерно в 1,8 м к северу—северо-западу от помоста 2 (рис. 10—12). Он состоит из отдельных плах, выложенных параллельно друг другу, по линии северо-запад — юго-восток. Сохранился частично. Его северо-западную сторону полностью разрушил, судя по всему, раскопанный котлован А. А. Бобринского. Помост сохранился в ширину до 2,0 м, в длину — до 3,20—3,30 м. Практически все его плахи имеют следы горения.

Помост 2. Расположен вплотную к короткой юго-восточной стене Центральной гробницы (рис. 10—12). Ориентирован по оси северо-восток—юго-запад. Имеет почти квадратную форму. Состоит из отдельных плах. Общие размеры помоста — не менее 3,6 × 3,3 м. Сохранность

Рис. 11. Дерев'яні помости: 1 — № 1, со слідами горіння по всій площаді, вид с северо-запада; 2 — № 2, на заднем плане — дерев'яне перекрытие сопровождающего погребения 2, вид с северо-востока

плах различна. Размеры пяти наиболее хорошо сохранившихся плах, по направлению с востока на запад: длина 3,40, ширина 0,23 м. Соответственно далее: 3,3—0,28; 3,95—0,29; 3,60—0,21; 3,9—0,29 м. На ряде плах, особенно в северо-западной части помоста, видны следы горения.

Следует отметить, что на помостах отсутствовали какие-либо предметы.

Ближкие помосты (или настилы) — одна из черт (по мнению С. С. Бессоновой), характерных для подкурганых святилищ погребального культа эпохи раннего железа в евразийском ареале в целом, и в пределах лесостепного региона Восточной Европы, в частности (Бессонова 1989, с. 53, 54; 1994, с. 8—10).

В недавнее время 2 подобных помоста (один из которых сохранился хорошо, имел прямоугольную форму при размерах 5,5 × 3,6 м) были обнаружены в кургане 4 Дуншовской группы Люботинского могильника, в бассейне Северского Донца (Днепроовское Лесостепное Левобережье). Они располагались вблизи с заглубленным основанием обширной наземной конструкции, по-видимому, ритуального характера, относящейся к концу VII в. до н. э. (Окатенко, Скорый, Зимовец 2018, с. 219, 221, рис. 5). Правда, на указанных помостах не фиксировались следы горения дерева, но какие-либо предметы также не были найдены.

Как представляется, зафиксированные следы обожженности отдельных плах шатровидной конструкции и помостов отражают идею очище-

ния огнем, столь широко известную в древности, в том числе — в раннем железном веке, у населения предскифского и скифского времени.

В свете открытия деревянных помостов (или настилов) в кургане 524 у с. Жаботин, похоже, можно допустить, что подобные конструкции на подкурганной поверхности были свойственны не только святилищам погребального культа, но и являлись неким элементом похоронной архитектуры погребальных памятников, во всяком случае, эпохи архаики.

Погребение 2 (сопровождающее Центральную гробницу). Расположено примерно в 1,0 от юго-восточной, короткой, стенки Центральной гробницы, юго-западнее края помоста 2 (рис. 10, 13)

Захоронение выполнено в грунтовой яме, в слое древнего чернозема и перекрыто сверху деревом.

Могила вытянуто-овальной формы ориентирована по оси запад-северо-запад—восток-юго-восток. Размеры по верху 1,70 × 1,10 м, по дну — 1,60 × 0,90 м. Стены неровные.

Перекрытие состоит, как минимум, из двух (?) слоев хорошо отесанных дубовых досок или плах, выложенных вдоль ямы. Последние сохранились в кусках. Ширина наиболее выразительных из них: 8; 10; 10; 12 см, толщина: 3; 4; 5; 6 см.

К моменту исследования перекрытие имело просадку, особенно в центральной части.

Костяк очень плохой сохранности (13—15 лет, пол не ясен) лежал головой на запад-северо-запад, на правом боку. Ноги подогнуты в коленях. Левая рука, согнутая в локте, у левой стороны

лица, правая — под головой, с кистью, вытянутой вперед (рис. 13). На костях просматриваются следы слабого воздействия огня: тело пребывало в условиях невысокой температуры, примерно 100—200 °С относительно короткий промежуток времени что привело к частичной мумификации тела (Козак, Слободян 2020) ¹.

Под костяком фиксировались следы подстилки растительного происхождения, в районе черепа — остатки органики зеленого цвета. Какие-либо вещи отсутствуют.

Вряд ли стоит трактовать погребение 2, расположенное между Центральной гробницей и помостом 2 в качестве обычного сопровождающего захоронения. Отсутствие вообще каких-либо вещей в могиле (а они, в общем, свойственны для сопровождающих лиц скифской поры, размещенных поблизости с основным покойником ², хотя известны и исключения) наводит на мысль, что это было некое жертвоприношение основному погребенному (-ым) из Центральной гробницы. В этой связи можно высказать предположение, что оба помоста и погребение 2 являются единым ритуальным комплексом, связанным с основным погребением кургана. Стоит отметить, что один из помостов (№ 1), практически по всей площади, имеет следы горения, а потому не исключено, что на нем на какое — то время находился покойник из погребения 2, т. е. проходил «процедуру ритуального очищения огнем» перед размещением его в могиле непосредственно рядом с Центральной гробницей.

1. Определение возраста погребенного и изучение костных остатков осуществили сотрудники отдела биоархеологии ИА НАН Украины А. Д. Козак и Т. И. Слободян.
2. См., например, курган скифской элиты, правда, более позднего времени в степном ареале, Приазовье, Двугорбую Могилу (Привалов, Зарайская, Привалов 1982, с. 156, 159) и др.

Рис. 12. Деревянные помосты 1 и 2 и сопровождающее погребение 2

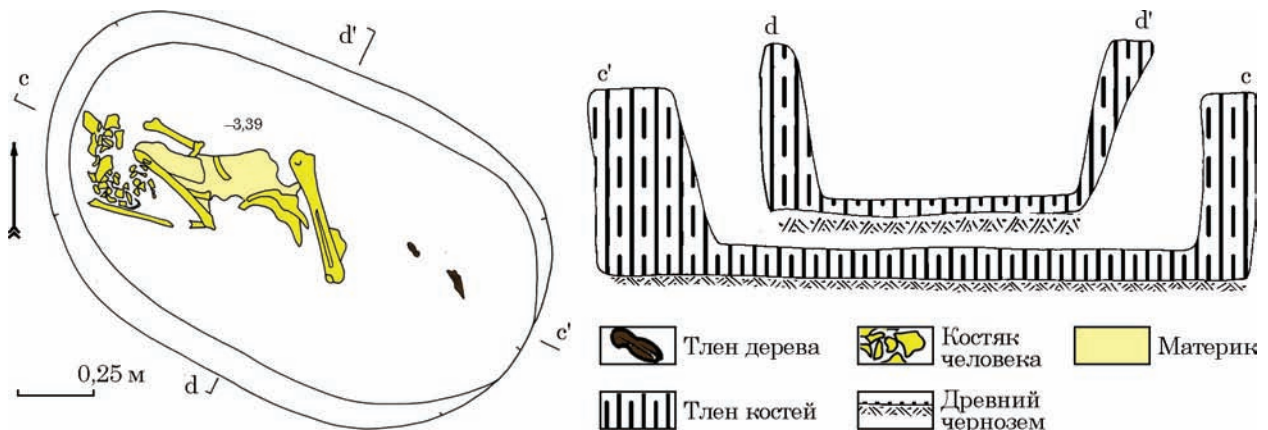

Рис. 13. Сопровождающее погребение 2: план и разрезы

Нас не должно смущать скорченное на боку положение скелета в погребении 2. Вытянутое, на спине положение костяков в могилах скифской эпохи (как в собственно в скифских погребениях степной зоны Северного Причерноморья, так и лесостепных захоронениях скифской поры на Юге Восточной Европы) является, безусловно, доминирующим, но вовсе не единственным. Сказанное особенно касается архаики.

Так, в раннескифских курганах Днепро-Правобережной Лесостепи, прежде всего — в бассейне р. Тясмин, где расположен курган 524 (Ильинская 1975, с. 15—17, 24, 25, 34—36, 38, 46, 47; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35, 40; Ковпаненко 1984, с. 112), в меньшей степени — в бассейне р. Рось (Ковпаненко 1981, с. 9, 21) захоронение лиц в упомянутой позе отнюдь не редкость. В определенной степени фиксируется в той или иной степени скорченность и в архаических курганах бассейна р. Ворскла, историческим судьбами связанным с Правобережным регионом в эпоху раннего железа (Ковпаненко 1967, с. 90; Бойко, Берестнев 2001, с. 31, 32).

Следует заметить, что положение покойника на боку, со слегка подогнутыми коленями фиксируется, хотя и нечасто, и в раннескифских могилах Степного Северного Причерноморья (Ольховский 1991, с. 58).

Разумеется, не совсем «стандартную» позу погребенного в могиле 2 кургана 524 у с. Жаботин (скорченность, на боку) можно трактовать как свидетельство зависимого положения покойника.

Однако нельзя исключать, что подобное положение тела умершего в могиле объясняется не только его зависимым, низким социальным статусом, но и принадлежностью к иному этносу, применительно к лесостепному ареалу — автохтонному населению. Разумеется, при этом, одно другого совершенно не исключает.

Стоит напомнить, что в древностях Лесостепи известны отдельные сопровождающие основного покойника погребения, выполненные по иному обряду. Как пример, можно привести ситуацию в Центральной могиле кургана 20 у г. Смела, правда, относящейся к более позднему времени, а именно — IV в. до н. э. Женщина, основная покойница, лежала вытянуто, на спине, головой на запад, в сопровождении многочисленного инвентаря, в том числе — из драгоценных металлов. В ногах у нее располагался костяк служанки (?), на правом боку, слегка скорченно. При ней были железный браслет, бронзовые подвески подгорцевского типа и две пастовые бусины-пронизи (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 255).

Нужно отметить, что в ряде случаев, там, где было осуществлено антропологическое определение костяков или они сопровождалась абсолютно характерным погребальным инвентарем, в скорченном положении были похоронены женщины (Ильинская 1975, с. 17, 24, 25, 34, 46, 47; Ковпаненко 1984, с. 112; Бойко, Берестнев 2001, с. 31,

32), реже — подростки или дети (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35, 36, 40).

Нельзя исключать, что подобные женские захоронения принадлежат представительницам аборигенного населения Лесостепи, с которыми могли вступать в брачные отношения пришельцы-степняки. Похоже, в пользу этого свидетельствует ситуация, известная нам в двух раннескифских погребениях Лесостепи, относящихся к одному хронологическому отрезку (конец VII—начало VI вв. до н. э.) — кургане 407 у с. Журовка и кургане Червона Могила у с. Флярковка. В обоих случаях основное мужское захоронение сопровождалось женским костяком, в скорченном положении, при наличии разнообразных предметов инвентаря, в том числе — немногочисленных золотых украшений (Ильинская 1975, с. 24, 25; Ковпаненко 1984, с. 112). Видеть в них лиц низкого социального статуса вряд ли стоит.

В любом случае, вопрос о скорченных захоронениях скифской поры, в том числе в лесостепном ареале, несомненно, актуален и важен для понимания ряда аспектов истории данного региона.

4. МЕТОДИКА РАСКОПОК А. А. БОБРИНСКОГО

При исследовании кургана 524 у с. Жаботин А. А. Бобринским были использованы приемы как достаточно обычные для раскопок курганов в то время, т. е. в XIX — начале XX вв., так и в определенной степени новаторские.

Курган копался вертикальным котлованом, заложенным на вершине насыпи, примерно по центру, что вполне соответствует раскопной методике той поры. Зафиксированные нами сверху размеры котлована 16,0 (север—юг) × 13,0 (восток—запад), т. е. примерно 200 м², скорее всего, не совпадают с первоначальными, поскольку насыпь кургана во времена А. А. Бобринского была на 2,40 м выше. Следовательно, площадь раскопного котлована могла быть большей. Кстати, о котловане столь больших размеров в публикации А. А. Бобринского информации нет, а сообщается лишь, что «исследование насыпи произведено широким раскопом, диаметром в 11,50 м» (Бобринской 1916, с. 1). Впоследствии эти сведения стали фигурировать в некоторых работах (Рябкова 2014, с. 375). Вероятно, землю из котлована складировали к югу от кургана, о чем уже шла речь.

С определенного уровня (трудно установить какого!) котлован стал сужаться и зафиксирован нами в профилях А'—А, С'—С, сверху, шириной 10,0—11,50 м, что вполне соответствует информации А. А. Бобринского.

Достаточно обычна и боковая «отвалочная» траншея для вывоза земли, по мере углубления раскопного котлована, упоминаемая А. А. Бобринским (Бобринской 1916, с. 1). В кургане 524 она располагалась с юга, имела ширину 2,2—3,0 м и зафиксирована нами в длину на

7 м, по пятну темного чернозема. На самом деле, по-видимому, траншея была гораздо длиннее, поскольку именно в этом южном направлении, почти в поле кургана, нами были обнаружены отдельные находки из погребальной камеры. Не исключено, что здесь была некая «разборочная» площадка, где раскопщики просматривали вывозимую (или выносимую) землю из Центрального погребения, стремясь не пропустить находки. Кстати, похоже, что отвал из этой траншеи сохранился и поныне в виде легкой возвышенности, непосредственно примыкавшей к насыпи кургана 524 с юга. Он достаточно явственно просматривается на ортофотоплане (рис. 3).

Новаторским, на наш взгляд, являются уже описанные узкие поисковые траншеи, идущие лучеобразно вглубь материка от стенок могилы, предназначение которых — обнаружение возможных тайников. Во всяком случае, у нас нет информации о таковых как до работ А. А. Бобринского, так и во время, синхронное его раскопкам.

5. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ: ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Необходимо отметить, что практически все находки найдены на упомянутой «разборочной» площадке 1913 г., к югу от Центральной гробницы. Напомним, что исключения составляют лишь ручка амфоры и фрагмент стенки лепного лощенного сосуда: они происходят из основания самой погребальной конструкции. Несмотря на малочисленность находок, они относятся к различным категориям материальной культуры.

ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ ВООРУЖЕНИЕ И ДЕТАЛЬ СНАРЯЖЕНИЯ

1) *Пластинки панцирного набора бронзовые*. Всего обнаружено 31 экз., из которых 8 целых (или почти целых) пластинок-чешуек, остальные представлены обломками.

Все целые пластинки одинаковые по форме: продолговатые с прямоугольным верхним и округлым нижним краями. Сверху пластины имеют по 2 отверстия диаметром до 1,0 мм, на расстоянии примерно 3,0 мм друг от друга, для крепления пластин на кожаную основу панциря. Вероятнее всего, эти отверстия в тонких мягких пластинках изготавливались методом горячей высадки раскаленным острым предметом¹.

Различаются лишь по размерам: крупные — 2,4 × 2,0 см (1 экз.), средние — 2,1 × 1,6—1,7 см (3 экз.) и более мелкие — 1,7 × 1,4—1,5 см (4 экз.; рис. 14: 1—8, 10—12).

1. Заключение сделал С. А. Князев (кафедра материаловедения Национального технического университета «Харьковский политехнический институт»).

Относятся к типу 1 панцирных пластин, по классификации Е. В. Черненко. Подобные пластины получили широкое распространение в доспехе на протяжении всей скифской эпохи (Черненко 1968, с. 27).

Следует отметить, что данные пластинки ничем не отличаются от большинства тех, что были обнаружены в 1913 г. в ходе раскопок А. А. Бобринского, хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа, за исключением отсутствия продолговатых пластин, декорированных геометрическим орнаментом в виде горизонтальной полосы из ромбов (Рябкова 2014, с. 396, рис. IV: 1—7, кат. 41, 42, с. 421, табл. IV).

Т. В. Рябкова верно отметила, что чешуйчатые панцири, набранные практически полностью (или полностью) из бронзовых пластин, относятся к наиболее архаическому скифскому доспеху. В равной степени права исследователя и в том, что наличие лишь 2 отверстий сверху на пластине — также является признаком наиболее ранних панцирей (Рябкова 2014, с. 305). Однако менее убедительна ее версия о типе панциря, исходя из количества сохранившихся пластин. Последние, как полагает Т. В. Рябкова, учитывая находки примерно 600 пластин, покрывали площадь до 500 см² и могли соответствовать типу панциря в виде нагрудника (Рябкова 2014, с. 304). Увы, погребение, бесспорно, было ограблено в древности и часть инвентаря, в число которого могли входить и панцирные пластинки, оказалась извлеченной из могилы или уничтоженной.

2) *Фрагмент клинка железного двулезвийного меча*. Сохранился в длину на 11,0 см. Ширина клинка до 4,5 см. В сечении — линзовидной формы, толщина 1,2—1,8 см. Металл довольно сильно корродирован. С одной из сторон видны цементированные окислом железа остатки дерева, скорее всего, от ножен (рис. 14: 16). Исследование данного артефакта с помощью специального оборудования свидетельствует, что предполагаемые ножны изготовлены из твердой древесины вяза. Примечательно и то, что среди древесных остатков фиксировались и остатки кожи. Данное обстоятельство позволяет думать, что деревянные ножны меча дополнительно были обшиты кожей². Что же касается металла, из которого был изготовлен меч, то ответить на этот вопрос ныне нельзя, из-за сплошного коррозионного повреждения фрагмента оружия (все железо перешло в окисел). По этой же причине невозможен металлографический анализ³.

В коллекции находок из кургана 524, хранящейся в Эрмитаже, сохранился еще фрагмент клинка данного меча, примерно такой же длины (11,5 см, шириной 2,5—3,5 см), явно сужающийся в нижней части, с обломанным острием,

2. Определение А. И. Попова.

3. Заключение сделано С. А. Князевым.

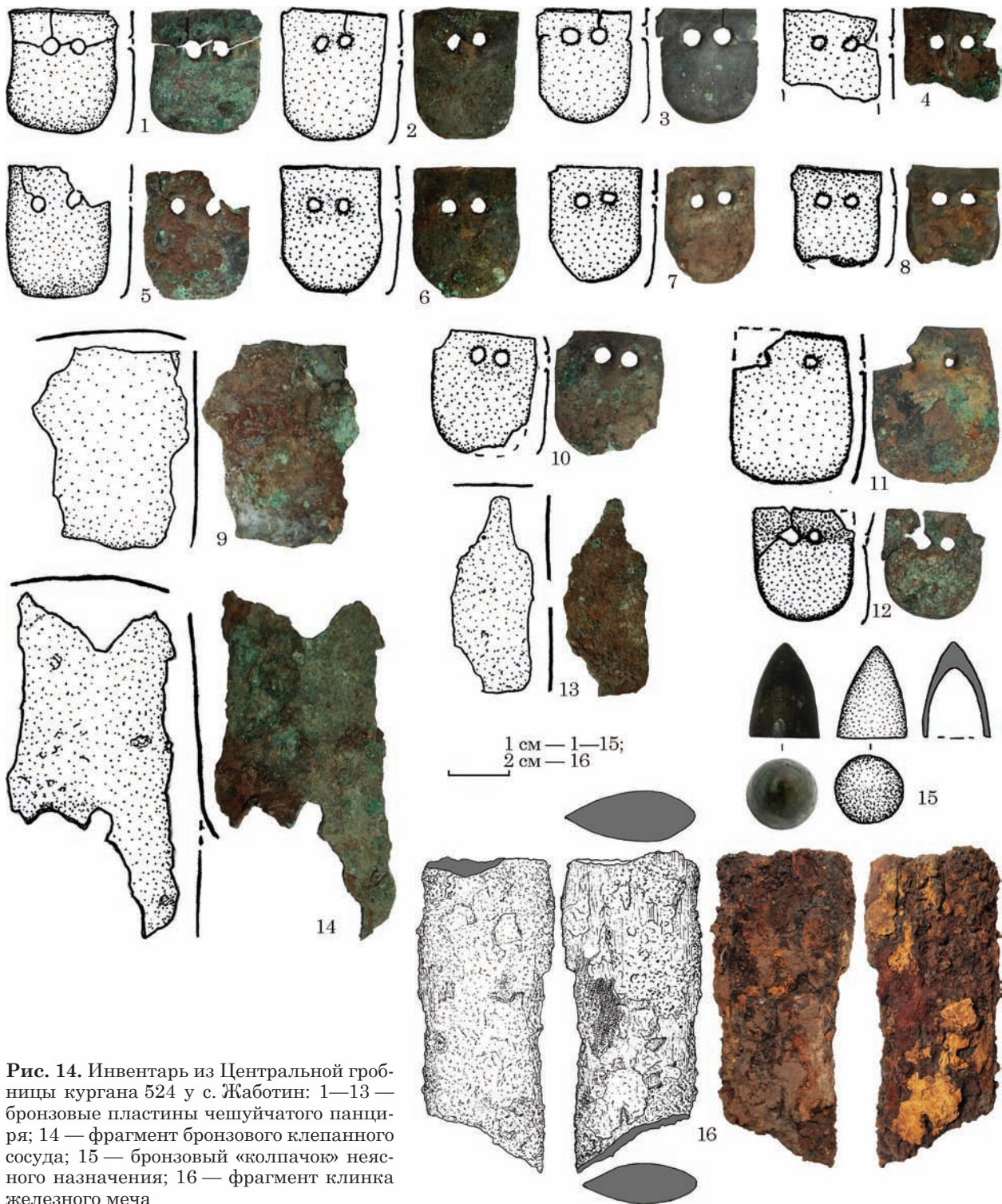

Рис. 14. Інвентарь из Центральной гробницы кургана 524 у с. Жаботин: 1—13 — бронзовые пластины чешуйчатого панциря; 14 — фрагмент бронзового клепанного сосуда; 15 — бронзовый «колпачок» неясного назначения; 16 — фрагмент клинка железного меча

также имеющий следы дерева от ножен (Рябкова 2014, с. 390, кат. 36; табл. III: 36).

3) *Бляшка бронзовая в виде изображения головы быка (?) в фас.* Сохранившаяся высота 2,7; высота головы без рогов 1,9; максимальная ширина головы 1,5 см. Ширина обломанной петли 1,5 см.

Изображение выполнено в низком рельефе, крайне схематично. Широкая лобастая голова постепенно сужается, снова расширяясь в носовой части. Помимо расширения нос подчер-

кнут рельефной горизонтальной линией. Глаза не переданы. Сохранился фрагмент левого рога. Он имеет полукруглую форму, хорошо просматривается рифление. В правой верхней части головы прослеживается основание второго рога. Видимо, он был симметричен по отношению к сохранившемуся фрагменту. Между рогами, по центру головы — небольшой подтреугольный выступ, передающий холку животного. Его окончание стесано или обломано (рис. 15).

Жаботинское изображение уникально. Ни на территории Скифии, ни в отдаленных областях скифского культурного континуума нам не удалось отыскать полной аналогии. Изображения быка вообще крайне редки в искусстве скифского звериного стиля. На территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа нам известно около десятка полнофигурных и редуцированных экземпляров, выполненных в канонах скифского звериного стиля. К первым относятся два быка с золотой обкладки келермесской секиры (Алексеев 2012, с. 74), датированной второй половиной VII в. до н. э., а также бронзовая скульптурка, покрытая золотой фольгой из Золотоношского уезда Полтавской губернии (Древности Поднепровья 1900, табл. XLV: 330; Ильинская 1968, рис. 22: 2; Грибкова, Полидович 2013, рис. 1; Канторович 2015, с. 1190, 1528). Последняя датируется исключительно по иконографическим параллелям (туловище в профиль, скульптурная голова — в фас) первой половиной V в. до н. э. (Грибкова, Полидович 2013, с. 262—264; Канторович 2015, с. 519).

Редуцированные изображения представлены: тремя навершиями со скульптурной головой быка из Ульского кургана 2 (раскопки 1909 г.), вторая половина VI в. до н. э. (Раскопки... 1913, с. 150, рис. 215; Канторович 2015, с. 1190; 1529: 1—3), навершием из разрушенного кургана в Теучежском районе у аула Четук (Переводчикова 1984, рис. 1; Канторович 2015, с. 1190, 1529: 4) двумя навершиями из Старшей Могилы, вторая половина — конец VII в. до н. э. (Ильинская 1968, табл. III: 3, 4; Канторович 2015, с. 1190, 1529: 5). Помимо этого, известны 3 бронзовые бляхи — детали конской узды. На одной из них, обнаруженной в Крыму, представлена голова быка в профиль (Скорый, Зимовец 2014, с. 116, кат. 343). Две другие очень сходны между собой. На них представлена геометризованная голова быка анфас. Они происходят с Восточного укрепления Бельского городища (Мурзин, Ролле 1995 с. 52, мал. 1: 2) и из с. Кизиловое Симферопольского р-на Крыма (Скорый, Зимовец 2014, с. 116, кат. 342). Бляшка с Восточного укрепления Бельского городища авторами публикации, на основе восточных аналогий (Поволжье и Приуралье) датируется ориентировочно VI—V вв. до н. э. (Мурзин, Ролле 1995, с. 51).

Именно последние 2 бляхи наиболее близки жаботинской. Отличия заключаются в том, что жаботинское изображение более реалистично: его контуры более плавны, в то время как бляшки с Бельска и из Крыма имеют явно геометризованный вид. Отличны и выразительные рифленые рога жаботинского бычка. Тем не менее, по нашему мнению, их можно объединить в одну малочисленную серию схематических изображений головы быка анфас.

В свое время, В. А. Ильинская выдвинула предположение о том, что образ быка был за-

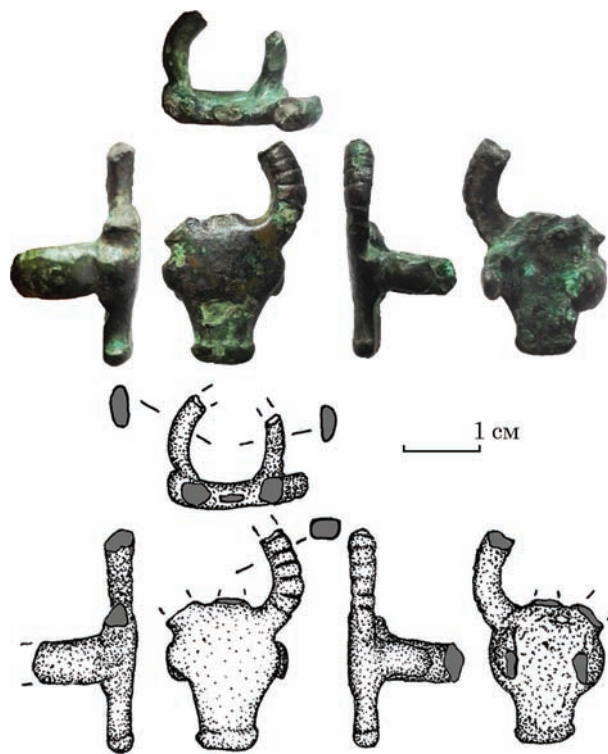

Рис. 15. Бронзовая бляшка в виде головы бычка

имствован скифами с Ближнего Востока (Ильинская 1972, с. 43). Именно такой заимствованный и чуждый характер не позволил ему развиваться на территории Скифии. Видимо, это положение остается актуальным, хоть и с определенными дополнениями. Увеличение источниковой базы демонстрирует, что образ быка все-таки имел развитие в скифском искусстве, хотя и очень ограниченное. Что касается утверждения о его возможном заимствовании из переднеазиатского репертуара, то на это есть вполне весомые основания. Возможно, редуцированный образ быка был заимствован скифами из скульптурных изображений на ручках котлов, происходящих с территории Урарту и Греции. К ним относятся: котел, происходящий, предположительно из Северной Сирии (хранится в Национальном музее в Копенгагене); котел из Кармир-Блур (хранится в Историческом музее Армении в Ереване); котел из Топрак-кале (хранится в Британском музее в Лондоне) — данная протема является наиболее реалистичной и высокохудожественной; котел из храма Аполлона в Дельфах (Археологический музей в Дельфах, Греция; From Assyria... 2014, p. 279—281, fig. 151—154).

Перечисленные изделия относятся ко времени VIII—VII вв. до н. э. Т. е. они хронологически предшествуют скифским бычкам и вполне могли быть прототипами для заимствования.

Нельзя исключать, что данная бляшка являлась деталью какого-то ремня, например, от колчана.

КРУЖАЛЬНАЯ ПОСУДА

4) Ручка (верхний прилеп) античной амфоры. Фрагмент сохранился в длину на 8,0 см. Поверхность слегка заизвесткована, особенно с внутренней стороны. Сломы на фрагменте ручки старые, запатинированные, относящиеся либо ко времени захоронения, либо (что, скорее всего) ко времени раскопок Центральной гробницы в 1913 г., когда сосуд мог быть разбит случайно рабочими. На одной из сторон фрагмента ручки — довольно широкий срез, нанесенный острым орудием труда, по-видимому, лопатой в период раскопок гробницы.

В сечении ручка имеет почти правильную овальную форму, размерами 3,2 × 2,5 см. Переход от вертикальной части ручки к горловине выполнен в виде плавной дуги (рис. 16).

Тесто амфоры светло-коричневое (или темно-оранжевое), очень плотное, с редкими мелкими серебристыми включениями.

Определение места изготовления данного сосуда и его точной даты сложно, в силу хотя бы того, что ручки амфор, имеющие овальное сечение, известны довольно широко.

Вместе с тем, судя по характеру теста амфоры, она относится к сосудам восточногреческого производства. Однако, это не: Хиос, Лесбос, Самос, Милет, Теос или Клазомены. Ручка сечением и в определенной степени особенностями глины напоминает Протофасос. Тем не менее, известно, что амфоры этого круга появляются в Северном Причерноморье достаточно поздно, не ранее середины VI в. до н. э.

Как бы то ни было, но данная ручка принадлежит сосуду, время которого вряд ли определяется ранее конца VII — начала VI вв. до н. э.¹

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА

5) Обломки бронзового клепанного тонкостенного сосуда. Представлены тремя рваными фрагментами, не имеющими определенной геометрической формы. Соответственно, размеры: 5,2 × 3,0 × 0,05; 3,2 × 1,2 × 0,05; 3,0 × 2,5 × 0,05 см. Следы какого-либо орнамента отсутствуют (рис. 14: 9, 13, 14).

Данные находки вполне перекликаются с теми, что хранятся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Правда, в указанной коллекции они представлены большим числом — стенки, фрагменты венчика и заклепки. На некоторых стенках имеет место гравированный геометрический орнамент (Рябкова 2019, с. 397—401, кат. 43, рис. V: 1).

Т. В. Рябкова на основании близости упомянутого орнамента декору на бронзовом сосуде из Лухванского клада отнесла жаботинский сосуд к VIII—VII вв. до н. э. (Рябкова 2014, с. 399).

1. Сердечно благодарим за консультации по данному вопросу А. В. Буйских (ИА НАН Украины) и Д. Е. Чистова (Государственный Эрмитаж).

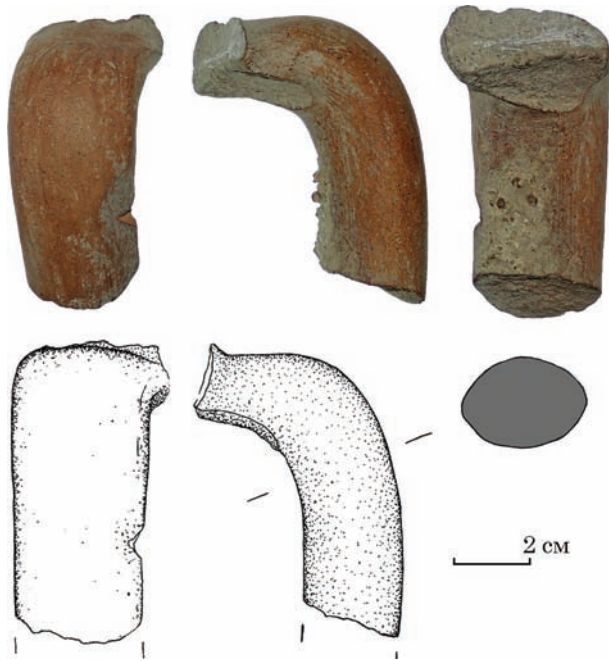

Рис. 16. Фрагмент ручки амфоры восточногреческого производства

ПРЕДМЕТЫ НЕЯСНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

К данной категории находок относится лишь один артефакт, а именно — бронзовый пулевидный колпачок. Он небольших размеров: высота 1,5, диаметр нижней части 1,2 см. Толщина стенки 1,0—1,2 мм. Изделие выполнено в технике литья (рис. 14: 15).

В момент обнаружения, внутри колпачка фиксировалось дерево (фрагменты дуба черешкового). Складывается, вполне определенное мнение, что данный колпачок венчал некое древко, возможно, скипетра (?).

Аналогии данному изделию нам обнаружить не удалось.

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ КУРГАНА

Культурно-хронологическая ситуация на Юге Восточной Европы в целом, в Днепроградской Правобережной Лесостепи и его южной части, бассейне р. Тясмин, в частности, в предскифское и раннескифское время, будто бы, изначально не давала повода для отнесения кургана 524 у с. Жаботин, к следующим отрезкам времени: рубеж VIII—VII вв. до н. э. (Kosack 1987, S. 27, 31), 750—700 гг. до н. э. (РСК-1; Медведская 1991, с. 87, 88), не позднее конца VIII в. (Дараган 2011, с. 571, 572) и, наконец, по исследованию новейшей поры, примерно к середине VIII в. до н. э. (Рябкова 2014, с. 412).

В указанное время в данном регионе встречаются погребальные древности кочевого населения, известные в науке как памятники типа Новочеркасского клада (или новочеркасской культуры; Скорый 1999, с. 11—14, 80—95), ко-

торые не без основания соотносятся рядом исследователей с историческими киммерийцами. Новочеркасский вещевой комплекс решительно отличается от комплекса материальной культуры ранних скифов, в частности — специфичным вооружением, деталями конской упряжи. Но одно из самых главных, мы бы сказали, кардинальных, отличий новочеркасских древностей от раннескифских, во всяком случае — в пределах украинской Лесостепи — это полное отсутствие в них каких-либо изделий в зверином стиле, несомненных маркеров собственно скифской культуры. Для новочеркасских древностей характерен геометрический художественный стиль. К слову, напомним, что изделия в скифском зверином стиле присутствуют в комплексе кургана 524. Это 2 золотые бляшки в виде лежащих копытных (ланей?) с повернутой влево головой и подогнутыми ногами (находки 1913 г.) и бронзовая бляшка от конского убора в виде головки быка в фас (находка 2019 г.).

Вполне логично, что наличие новочеркасских древностей и раннескифских в границах одной и той же территории предполагает некий хронологический промежуток, лагуну между ними, хотя, конечно, не исключает их «соприкосновение» на каком-то узком отрезке времени.

Значение двух, найденных в процессе полного доисследования кургана 524, артефактов — бронзовой бляшки в виде головки быка и особенно ручки античной амфоры — трудно переоценить: они, как бы, автоматически снимают вопрос о VIII или рубеже VIII—VII вв. до н. э. для «опорного» памятника глубокой скифской архаики в Правобережной Лесостепи.

Пожалуй, здесь имеет смысл напомнить о датировке кургана 524, предложенной В. А. Ильинской в 1970-х — начале 1980-х гг., исходящей из существовавших в то время представлений о раннескифской культуре: конец VII или рубеж VII—VI вв. до н. э. (Гліньська 1973, с. 14; Ильинская 1975, с. 62; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 234).

Однако сторонники ранних дат оперируют, как им представляется, достаточно вескими доводами для удреждения кургана 524. у с. Жаботин.

Рассмотрим, так ли убедительны эти аргументы, помня методическую установку, используемую в археологии, о том, что закрытый комплекс *должен* датироваться по наиболее поздним вещам.

Итак, обратим внимание на наиболее существенные хроноиндикаторы, из тех, что привлекали исследователи ранее (до полного исследования кургана 2019 г.) Это — колчаный набор, предметы конской упряжи (удила и псалии), украшения, в традициях звериного стиля¹. Остальные предметы, как-то пластинки панцирного набора, фрагменты бронзовой

ситулы, каменная булава, лепная посуда и пр. в свете присутствия указанных выше выразительных артефактов, несомненно, занимают второстепенное, «подчиненное» положение при выяснении даты кургана Жаботин 524.

1) *Колчаный набор*. Наконечники стрел бронзовые, двулопастные, длинновтульчатые, чаще всего с изогнутым, довольно длинным шипом на втулке (30 экз.). Подавляющее большинство из них имеет *симметрично ромбическую* в плане головку. Лишь у нескольких экземпляров, также с шипом в основании втулки, головка, иной, *асимметрично ромбической* формы. Наконец, 2 наконечника, также с шипом на втулке, отличаются от всех вышеназванных экземпляров головкой *лавролистной формы* так называемого келермесского типа (Рябкова 2012, с. 347, рис. 1; 2014, с. 378—383, рис. I, 1: 1; I, 2: 1; I, 3: 1; I, 4: 1; I, 5: 1; I, 6: 1; с. 418, табл. I, II).

В свое время А. И. Мелюкова отнесла бронзовые наконечники из кургана 524, по предложенной ею классификации (отдел I, тип 1), к первой хронологической группе или второй половине — концу VII — первой половине VI вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 16—18, 28, рис. 1). При этом, подчеркивала, что подобные наконечники (т. е. с ромбической головкой), появившись еще в предскифское время, продолжают бытовать и в VII—VI вв. до н. э., хотя господствующим типом становятся наконечники с овальной или лавролистной головкой.

Исходя из состава вещевого комплекса кургана 524. В. А. Ильинская датировала колчаный набор, выделив входящие в него наконечники в так называемый Жаботинский тип, более узким хронологическим промежутком, а именно — концом VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. При этом, исследовательница указывала, что подобные наконечники заходят в начало VI в. до н. э., хотя уже в данное время в скифских колчаных наборах абсолютно преобладают наконечники с лавролистной головкой келермесского типа (Гліньська 1973, с. 14, 15).

В 1980-х гг. С. В. Полин объединил наконечники жаботинского типа с наконечниками из кургана в Ендже (Болгария) в один тип Енджа-Жаботин, постулируя идею о том, что двулопастные ромбовидные наконечники выходят из употребления в середине VII в. до н. э. (Полін 1987, с. 21, 22).

Однако, как объединение наконечников из Жаботина 524 и Енджи в один тип, так и верхняя рамка бытования двухлопастных ромбовидных наконечников (середина VII в. до н. э.) вызвали, на наш взгляд, вполне закономерную критику. Так, В. Г. Петренко, а впоследствии — Т. В. Рябкова, указали, что данный тип выделен недостаточно обоснованно: наконечники из 524-го кургана имеют, в первую очередь симметрично-ромбическую в плане головку, в то время как наконечники из Енджи — асимметрично-ромбические. По мнению упомянутых исследователей, данное обстоятельство

1. Здесь и далее мы ориентируемся на фото и рисунки предметов из Жаботина 524, приводимые в обстоятельной работе Т. В. Рябковой (2014).

тво объясняется тем, что между этими группами наконечников есть некая хронологическая лагуна (Петренко 1990, с. 61; Рябкова 2014, с. 349). Как полагает В. Г. Петренко, данный колчаный набор, скорее всего, относится к концу VII в. до н. э. (Петренко 1990, с. 73). Добавим, что в пользу асинхронности наконечников из Жаботина 524 и Енджи говорит присутствие в колчанном наборе первого из них, по крайней мере, двух типично келермесских наконечников стрелы с лавролистной головкой. Слишком категоричным считала А. И. Мелюкова вывод С. В. Полина о прекращении функционирования двухлопастных ромбических наконечников стрел к середине VII в. до н. э., правомерно указав на вещевой комплекс из кургана П в Братышеве (Западная Подолия), где подобные ромбические наконечники соседствовали с бронзовым зеркалом «ольвийского» типа, дата которого никак не может быть отнесена к VII в. до н. э. (Мелюкова 1998, с. 110; Sulimirski 1936, tabl. V: s—u). Стоит также добавить, что отдельные ромбические наконечники встречаются и в некоторых погребальных памятниках бассейна р. Тясмин, т. е. территории, где расположен курган 524 у с. Жаботин, например, в курганах 38 у с. Гуляй-Город, № 406 у с. Журовка. В первом из них, также, как и в Братышеве, было зеркало «ольвийского типа», во втором — предметы вооружения и конского снаряжения келермесского времени, находящие ближайшие аналогии в вещевом наборе гробницы 2 Репяховатой Могилы (Ильинская 1975, табл. II: 20; VIII: 8). Ясное дело, что дата названных курганов — отнюдь не первая половина VII в. до н. э. Таким образом, упомянутые ромбические наконечники стрел не являются надежным хроноиндикатором для столь ранней датировки кургана.

2) Удила бронзовые со стремявидными окончаниями (Рябкова 2014, с. 403, рис. VI, 1: 3, с. 423, табл. V: 45). По типологии А. Д. Могилова, относятся к подтипу стремявидных бронзовых удил I.1.1.4 или удилам с тремя выступами на подножье стремени (Могилов 2008, с. 17)¹. Особенностью Жаботинских удил (на что обращали внимание и ранее, а в недавнее время это сделала Т. В. Рябкова) является наличие на звеньях (на одном звене четче, на другом — слабее) литого орнамента в виде пояса, разделенного на прямоугольники (Рябкова 2014, с. 406, 407, рис. VI, 1: 3). Подобный орнамент имеет ранние традиции и хорошо известен на двукольчатых удилах предскифского времени (Вальчак 2009, с. 43, 44).

На территории Восточноевропейской Лесостепи известно 16 экземпляров удил с тремя выступами на стремени, при этом 13 из них приходится на Днепровское Лесостепное Пра-

1. В. Р. Эрлих считает, что средний выступ на подножке стремявидных удил вовсе не является морфологическим признаком, а представляет собой неудаленный литник и, следовательно, не может быть хронологическим признаком (Эрлих 1991, с. 33; 1994, с. 55, 56).

вобережье. Из достоверных закрытых комплексов (погребений в курганах) происходит, как минимум, 5 удил. В бассейне р. Тясмин, помимо, находки в Жаботине 524, это экземпляры из курганов 453 у с. Макеевка, 183 у с. Великая Яблонька на р. Тенетинка (Ильинская 1975, табл. XVIII: 2; XIX: 7, 9), 471 у с. Оситняжка (Ильинская 1975, табл. XXI: 17), погребение 1 в Репяховатой Могиле (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1989, с. 35, рис. 4: 17), в бассейне Роси — экземпляры из курганов 45 у с. Берестяги (Ковпаненко 1981, с. 10, рис. 6: 2), погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 55, рис. 6: 2). Все упомянутые погребальные памятники, с учетом иных предметов погребального инвентаря (среди которых, несомненно, присутствуют и вещи келермесской поры) относятся ко времени не ранее второй половины — конца VII — начала VI вв. до н. э. Особенного внимания заслуживают удила из Яснозорья. Они являются ближайшей аналогией удилам из кургана 524 у с. Жаботин, поскольку, помимо общей морфологической близости, имеют на звеньях точно такой же орнамент (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 55, рис. 6: 2). На это обстоятельство было указано еще при публикации комплекса погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье более четверти века назад (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 59). Тщательный анализ всех артефактов, составляющих вещевой набор яснозорского погребения (а в их кругу, кроме иных вещей, — акинак келермесского типа, двулопастный наконечник стрелы с лавролистной головкой также келермесского типа), позволяет убедительно ограничить хронологические позиции данного погребального комплекса второй половиной — концом VII в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 57—60). В свете приведенных соображений, удила из Жаботин 524 не являются серьезной основой для удреждения данного погребального памятника.

3) Псалии бронзовые трехмуфтовые с плавно изогнутым верхним краем, почти прямым нижним с округлым расширением в конце и орнаментом в виде ромба с вписанным в него кругом — в районе отверстий. (Рябкова 2014, с. 403, рис. VI, 1: 1, 2; с. 423, табл. V: 44). Данные псалии неоднократно анализировались различными исследователями и в последнее время очень тщательно Т. В. Рябковой (2014, с. 401—406, там же библиография), на фоне весьма обширного количества бронзовых трехмуфтовых псалиев огромного региона — от Северного Причерноморья до Минуссинской котловины. Морфологические и декоративные особенности таких псалиев позволили исследовательнице связывать их генезис с регионами Северо-Западного Кавказа и Предкавказья, с учетом «местной традиции и центральноазиатских влияний» (Рябкова 2014, с. 406).

В свое время В. Р. Эрлих объединил трехмуфтовые псалии Жаботин-524 с псалиями, типа найденных в кургане Уашхиту 1 в Адыгее (Северо-Западное Предкавказье) в один тип «Уашхиту—Жаботин» (Эрлих 1991, с. 35, рис. 2). Однако со временем такой подход вызвал вполне закономерную, на наш взгляд, критику. Данные псалии достаточно различаются морфологически. Псалии из Уашхиту, хотя и трехмуфтовые, но имеют на нижнем конце лопасть (Махортых, 2003, с. 47; Могилов 2008, с. 30; Рябкова 2014, с. 401) вполне соответствующую лопасти псалиев новочеркасского типа. По нашему мнению, между упомянутыми псалиями есть и хронологический интервал: одни древнее, другие моложе. Напомним, также, что в Уашхиту не зафиксированы изделия в зверином стиле, т. е., по сути, это — предскифский комплекс.

Трехмуфтовые псалии — нечастая принадлежность узды в скифских древностях Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Правобережье они известны в упоминавшемся уже погребении 1 кургана 6 у с. Яснозорье, где они — в комплексе с удилами, аналогичными жаботинским (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 55, рис. 6: 3), курганах 183 у с. Великая Яблоновка на р. Тенетинка, где они также соседствуют с удилами, близкими по форме жаботинским (Ильинская 1975, табл. XIX: 9), 375 у с. Емчиха (Ковпаненко 1981, с. 21, рис. 17: 2), 2 группы II в ур. Горчаков Лес близ с. Медвин (Ковпаненко 1981, с. 42, рис. 42: 4, 5). Все перечисленные курганные комплексы относятся ко времени не ранее второй половины — конца VII вв. до н. э. (Ковпаненко 1981, рис. 64; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 157; 1994, с. 57—60).

4) *Бляшки-аппликации золотые от костюма (парадного головного убора) в виде копытных животных — ланей или горных козлов с поджатými ногами и повернутой назад головой.* (Рябкова 2014, с. 408, рис. VII: 1, 2, с. 423, табл. V: 46). Наиболее близкими аналогиями жаботинским украшениям, по стилистическим и иконографическим особенностям (добавим — и по металлу и географическому расположению относительно кургана Жаботин — 524), несомненно, являются золотые бляшки — аппликации из кургана 346 у с. Теклино — Орловец (бассейн р. Тясмин). На это обращалось внимание и ранее (см., например, Ильинская 1975, с. 151), а недавно это сходство тщательно проанализировал Ю. Б. Полидович, придя к вполне, на наш взгляд, обоснованному выводу о возможной синхронности этих комплексов или крайне незначительной хронологической лакуне между ними (Полидович 2017, с. 168, 169). Однако в вещевом наборе теклинского погребения, бесспорно, присутствуют двулопастные наконечники стрел с лавролистной головкой, т. е. келермесского типа (Ильинская 1975, табл. XXV: 17; Дараган 2003, с. 666, рис. V.38: 15). Следовательно, датировать комплекс кургана Теклино 346 временем ранее второй половины VII в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 151) нет никаких оснований. Стоит напомнить, что в кургане 346 у с. Теклино—Орловец упомянутые украшения обнаружены в гробнице, вполне аналогичной жаботинской погребальной конструкции (Ильинская 1975, с. 63).

Итак, как изделия, обнаруженные в 2019 г., так и те, что были найдены в 1913 г. в ходе раскопок А. А. Бобринского, не дают убедительных оснований относить сооружение кургана 524 у с. Жаботин к рубежу VIII—VII вв. до н. э. и тем более — к VIII в. до н. э. Ведущие хроноиндикаторы данного погребального памятника, при учете присутствия в комплексе ручки античной амфоры, однозначно определяют его дату временем не ранее последней четверти — конца VII в. до н. э.

Таким образом, мы, по сути, возвратились к датировке кургана Жаботин — 524, предложенной почти столетия назад В. А. Ильинской (Ільїнська 1973, с. 14; Ильинская 1975, с. 62; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 234), подтверждаемой новыми материалами. Эта дата соответствует келермесскому периоду или заключительному этапу — окончанию переднеазиатских скифских походов.

О ВОЗМОЖНОМ КОЛИЧЕСТВЕ ПОГРЕБЕННЫХ ЛИЦ, СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ОСНОВНОГО ПОКОЙНИКА

Эти вопросы в работах, касающихся данного погребального памятника, практически не обсуждались, за исключением, пожалуй, совместной обобщающей работы В. А. Ильинской — А. И. Тереножкина, где некоторые вещи из кургана 524 у с. Жаботин, найденные в 1913 г., тракуются, как остатки инвентаря женского погребения (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 234).

Сохранившиеся после древнего ограбления Центральной гробницы предметы четко распадаются на 3 группы. Первая из них — (керамические и металлический сосуды, железные ножи) не являются достоверным индикатором половой принадлежности погребенного лица. Две иные группы предметов традиционно свойственны инвентарю мужского и женского захоронений. Принадлежности мужского погребения в нашем случае — вооружение (защитное и наступательное), деталь воинского снаряжения. Женский вещевой набор (найден практически весь в древнем грабительском ходу, в южной поле кургана) это: украшения («обломки стеклянных», т. е. пастовых и «янтарных бусин»), орудия труда (пряслище, части железных игл?), культовые или туалетные принадлежности («обломок каменной плиты, со следами красной краски», «кусочки

серы и румян» (Бобринской 1916, с. 1). В углубленном основании самой Центральной гробницы обнаружены упоминавшиеся уже 2 золотые бляшки-аппликации в виде копытных животных, возможно, ланей, по-видимому, украшения парадного головного убора. К сожалению, за исключением названных двух бляшек, остальные предметы женского инвентаря не сохранились.

Антропологические материалы из Центральной гробницы Жаботина 524 — минимальны. В публикации А. А. Бобринского упоминаются «обломки сильно истлевших человеческих костей», найденных в южной поле кургана, вероятно, в грабительском ходу: видимо, они были перемещены туда в свое время древними грабителями. Несколько разрушенных человеческих костей были зафиксированы и нами в 2019 г. в южной части углубленного основания Центральной гробницы. Однако, в силу плохой сохранности, они совершенно недоступны для какого-либо антропологического изучения. Более интересной является берцовая кость, несомненно, из данной могилы, принадлежащая молодой женщине.

Таким образом, мы можем говорить о первоначальном наличии в Центральной гробнице, как минимум, двух погребенных — мужчине, тяжелооруженном скифском воине (возраст которого нам не известен) и молодой женщине — жене или сопровождавшей основного покойника особе.

Ряд фактов, засвидетельствованных при исследовании (в том числе — полном доисследовании) кургана Жаботин 524, позволяет предполагать сравнительно высокий социальный ранг основного покойника — тяжелооруженного скифа-конника. К числу таковых относятся: 1) довольно обширная по масштабам деревянная гробница (по внешней линии столбов площадь ее более 28 м²; 2) сопровождающее человеческое захоронение вблизи Центральной гробницы, по-видимому, жертвоприношение; 3) радиальная обкладка первичной насыпи деревом, несомненно, потребовавшая определенных трудозатрат; 4) существенная досыпка насыпи, кургана, возможно, через непродолжительное время после захоронения (например, год?), в связи с чем размеры его существенно изменились, достигая высоты, в наше представлении не менее 7,0, при диаметре до 50 м.

В рассуждениях о статусе воина, погребенного в Центральной гробнице Жаботина 524, не следует также забывать, что курган был ограблен в древности, но при этом ряд бронзовых предметов грабителями забран не был. Следовательно, вполне можно допускать, что из погребальной камеры были изъяты, в первую очередь, изделия из драгоценных металлов — материальные свидетельства соответствующего ранга погребенного мужчины. Подобные же изделия в Центральной гробнице, конечно, были, о чем свидетельствуют сохранившиеся после ограбления золотые аппликации.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Бессонова, С. С. 1989. Культовые сооружения скифского времени в Побужье. В: *Тезисы докладов Первой Кубанской археологической конференции.* Краснодар, с. 53-54.

Бессонова, С. С. 1994. Курганы Лесостепного Побужья. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов.* Киев: ИА НАН Украины, с. 3-30.

Бобринской, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, III.* Санкт-Петербург.

Бобринской, А. А. 1901. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 году. *Известия Археологической комиссии, 2,* с. 24-50.

Бобринской, А. А. 1914. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 году. *Известия Археологической комиссии, 54,* с. 99-108.

Бобринской, А. А. 1916. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году. *Известия Археологической комиссии, 60,* с. 1-3.

Бойко, Ю. Н., Берестнев, С. И. 2001. *Погребения VII—IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени).* Харьков: РА-Каравелла.

Вальчак, С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы.* Москва: Таус.

Вязьмитина, М. И. 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля. *Советская археология, 2,* с. 158-170.

Геофизический... 2019. *Геофизический отчет. Комплексные геофизические исследования.* Киев.

Грибова, А. А., Полидович, Ю. Б. 2013. Фигурка быка скифского времени из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко. *Археологический альманах, 30,* с. 259-277.

Дараган, М. Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи.* Киев: КНТ.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени.* Москва.

Ильинская, В. А. 1965. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. *Советская археология, 1,* с. 86-107.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья).* Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1972. Образ коня и быка в раннескифском искусстве. В: *Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль).* Москва: ИА АН СССР, с. 41-46.

Іллїнська, В. А. 1973. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів. *Археологія, 12,* с. 13-26.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы в бассейне р. Тясмин.* Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курган VI в. до н. э. у с. Магусов. Тереножкин, А. И. (ред.). В: *Скифия и Кавказ.* Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

- Канторович, А. Р. 2015. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*: Диссертация д-ра ист. наук. Москва, ИА РАН.
- Ковпаненко, Г. Т. 1967. *Племена скифского часу на Ворсклі*. Київ: Наукова думка.
- Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.
- Ковпаненко, Г. Т. 1984. «Червона Могила» у с. Флярковка. В: Кропоткин, В. В., Краснов, Ю. А. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 107-113.
- Ковпаненко, Г. Т. 1998. Нові дані про кургани біля с. Жаботин на Черкащині. В: *Музейні читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна*. Київ: МКУ, с. 74-76.
- Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.
- Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА АН Украины, с. 41-63.
- Козак, О. Д., Слободян, Т. І. 2020. Неординарне поховання в кургані скифського часу біля с. Жаботин. *Археологія і давня історія України*, 3 (36), с. 446-453.
- Махортых, С. В. 2003. *Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху*. Киев: Шлях.
- Медведская, И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток. *Советская археология*, 3, с. 86-107.
- Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Свод археологических источников, Д 1-4. Москва: Наука.
- Мелюкова, А. И. 1998. К вопросу о датировке раннескифских стрел. *Музейні читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна*. Київ: МКУ, с. 108-111.
- Могилев, О. Д. 2008. *Спорядження коня скифської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАН України.
- Мурзін, В. Ю., Ролле, Р. А. 1995. Спільні дослідження археологів України та Німеччини у Більську. *Полтавський археологічний збірник*, 3, с. 50-56.
- Окатоенко, В. Н., Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2018. Курган раннескифского времени в Харьковской области. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 219-235.
- Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.
- Переводчикова, Е. В. 1994. *Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи*. Москва: Восточная литература.
- Петренко, В. Г. 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. В: Мелюкова, А. И. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Москва: ИА АН СССР, с. 60-81.
- Покровская, Е. Ф. 1973. Предскифское поселение у с. Жаботин. *Советская археология*, 4, с. 169-188.
- Полидович, Ю. Б. 2017. Один из мотивов изображения горного козла в раннескифском искусстве. *Краткие сообщения Института археологии*, 248, с. 166-184.
- Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.
- Привалова, О. Я., Зарайская, Н. П., Привалов, А. И. 1982. Двугорбая Могила. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 148-178.
- Раскопки Н. И. Веселовского. 1913. *Отчет Археологической комиссии за 1909—1910*. Санкт-Петербург, с. 147-156.
- Рябкова, Т. В. 2005. Курган 524 у с. Жаботин. В: *Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады*. Краснодар: Офсет-принт, с. 240-243.
- Рябкова, Т. В. 2007. К вопросу о типологии и происхождении псалиев типов «Жаботин» и «Уашхигу». В: *Ранний железный век Евразии: до 100-рччя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна: Матеріали Міжнародної наукової конференції (16—19 травня 2007 р.)*. Київ; Чигирин: ІА НАНУ, с. 131-135.
- Рябкова, Т. В. 2008. Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин. В: *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст*. Санкт-Петербург, с. 89.
- Рябкова, Т. В. 2009. Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого*. Киев; Полтава: ИА НАН Украины, с. 351-354.
- Рябкова, Т. В. 2010а. Классификация изображений с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени. В: *Проблемы хронологии и периодизации археологических культур Северного Кавказа: Тезисы докладов*. Магас: Пилигрим, с. 309-312.
- Рябкова, Т. В. 2010б. Чешуйчатые панцири раннескифского времени. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 38, с. 87—106.
- Рябкова, Т. В. 2011. Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников. В: *Маргулановские чтения 2011: Материалы международной археологической конференции*. Астана: Сарыарка, с. 104-109.
- Рябкова, Т. В. 2012. Колчанный набор из кургана 524 у с. Жаботин. В: *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося русского археолога Михаила Петровича Грязнова*. 2. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, с. 345-350.
- Рябкова, Т. В. 2014. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Археологический ежегодник*, 4, с. 372-432.
- Скорый, С. А. 1987. Про скифський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепового Правобережжя. *Археологія*, 60, с. 36-49.
- Скорый, С. А. 1990. *Курган Переїятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя)*. Київ: Наукова думка.
- Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в украинской Лесостепи*. Киев; Потава: Археология.
- Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: ИА НАН Украины.
- Скорый, С., Зимовец, Р. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Олег Філюк.
- Скорый, С. А., Орлик, А. П., Зимовец, Р. В., Каравайко, Д. В. 2019. Скифское погребение кургана Орликова Могила на юге Кировоградщины. *Археологія і давня історія України*, 4 (33), с. 160-170.

Смирнова, Г. И. 1993. Памятники Среднего Приднепровья в хронологической схеме раннескифской культуры. *Советская археология*, 2, с. 101-118.

Черненко, Е. В. 1968. *Скифский доспех*. Киев: Наукова думка.

Членова, Н. Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры*. Москва: Наука.

Ханенко, Б. Н., Ханенко, В. И. 1900. *Древности Приднепровья*. 3. Киев.

Хвойка, В. В. 1904. Раскопки курганов при с. Оситняжке Чигиринского уезда Киевской губернии. *Археологическая летопись Юга России*, 1—2, с. 7-12.

Эрлих, В. Р. 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. В: Абрамов, А. П., Гавритухин, И. О., Паромов, Я. М., Эрлих, В. Р. (ред.). *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: ИА РАН, с. 31-47.

Эрлих, В. Р. 1994. *Устоков раннескифского комплекса*. Москва: Государственный музей Востока.

Эрлих, В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

From Assyria... 2014. *From Assyria to Iberia. At the Dawn of the Classical Age*. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Kossack, G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. *Skythika*. München, S. 24-86.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Evropejskoj Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Bessonova, S. S. 1989. Kultovye sooruzheniya skifskogo vremeni v Pobuzhje. In: *Tezisy dokladov Pervoj Kubanskoj arheologicheskoy konferenczii*. Krasnodar, s. 53-54.

Bessonova, S. S. 1994. Kurgany Lesostepnogo Pobuzhya. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. IA NAN Ukrainy, Kiev.

Bobrinskoj, A. A. 1901. *Kurgany i sluchajnye arheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely*, III. Sankt-Peterburg.

Bobrinskoj, A. A. 1901. Otchyot o raskopkakh v Cherkasskom i Chigirinskom uezdakh Kievskoj gubernii v 1901 godu. *Izvestiia Arheologicheskoy komissii*, 2, s. 24-50.

Bobrinskoj, A. A. 1914. Otchyot o raskopkakh v Kievskoj gubernii v 1912 godu. *Izvestiia Arheologicheskoy komissii*, 54, s. 99-108.

Bobrinskoj, A. A. 1916. Otchyot o raskopkakh v Kievskoj gubernii v 1913 godu. *Izvestiia Arheologicheskoy komissii*, 60, s. 1-3.

Bojko, Yu. N., Berestnev, S. I. 2001. *Pogrebeniya VII—IV vv. do n. e. kurgannogo mogilnika u s. Kupjevakh (Vorsklinskij region skifskogo vremeni)*. Kharkov: RA-Karavella.

Valchak, S. B. 2009. *Konskoe snaryazhenie v pervoj treti I-go tys. do n. e. na yuge Vostochnoj Evropy*. Moskva: Taus.

Vyazmitina, M. I. 1963. Rannie pamyatniki skifskogo zverinogo stilya. *Sovetskaia arheologiya*, 2, s. 158-170.

Geofizicheskij... 2019. *Geofizicheskij otchyot. Kompleksnye geofizicheskie issledovaniya*. Kiev.

Gribkova, A. A., Polidovich, Yu. B. 2013. Figurka byka skifskogo vremeni iz sobraniya B. I. i V. N. Khanenko. *Arkheologicheskij almanakh*, 30, s. 259-277.

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zhelezного века v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi*. Kiev: KNT.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijczy i skify. Kulturno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arheologii vostochnoevropskikh stepej i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni*. Moskva.

Ilinskaya, V. A. 1965. Nekotorye motivy ranneskifskogo zverinogo stilya. *Sovetskaia arheologiya*, 1, s. 86-107.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhya (kurgany Posulya)*. Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A. 1972. Obraz konya i byka v ranneskifskom iskusstve. In: *Tezisy dokladov III Vsesoyuznoj konferenczii po voprosam skifo-sarmatskoj arheologii (skifo-sibirskij «zverinyj» stil')*. Moskva: IA AN SSSR, s. 41-46.

Ilinskaya, V. A. 1973. Bronzovi'i nakonechniki stril tak zvanogo zhabotinskogo i novoчеркаского tipiv. *Arkheologiya*, 12, s. 13-26.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgany v bassejne r. Tyasmin*. Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskij, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgan VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 31-63.

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskij zverinyj stil Vostochnoj Evropy: klassifikacziya, tipologiya, khronologiya, evolyucziya: Dissertacziya d-ra ist. nauk*. Moskva, IA RAN.

Kovpanenko, G. T. 1967. *Plemena skifskogo chasu na Vorskli*. Kyiv: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v bassejne r. Ros*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. 1984. «Chervona Mogila» u s. Flyarkovka. In: Kropotkin V. V., Krasnov Yu. A. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*. Moskva: Nauka, s. 107-113.

Kovpanenko, G. T. 1998. Novi dani pro kurgani bilya s. Zhabotin na Cherkashhini. In: *Muzejni chitannya. Materiali Mizhnarodnoyi naukovoyi konferenczii, prisvyachenoyi 90-littyu z dnya narodzhennya vmdatnogo ukrajyn'skogo arkheologa O. I. Terenozhkina*. Kyiv: MIKU, s. 74-76.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhya (Kievo-Cherkasskij region)*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1994. Nove pogrebeniya rannego zhelezного века v Porosje. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. Kiev: IA AN Ukrainy, s. 41-63.

Kozak, O. D., Slobodyan, T. I. 2020. Neordynarne pohovannya skifskogo chasu bilya s. Zhabotin. *Arkheologiya i davnia istoriia Ukrainy*, 3 (36), s. 446-453.

Makhortykh, S. V. 2003. *Kulturnye kontakty naseleniya Severnogo Prichernomor'ya i Czentralnoj Evropy v kimmerijskuyu epokhu*. Kiev: Shlyakh.

Medvedskaya, I. N. 1992. Periodizacziya skifskoy arkhaiki i drevnij Vostok. *Sovetskaia arheologiya*, 3, s. 86-107.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov*. Svod arheologicheskikh istochnikov, D 1-4. Moskva: Nauka.

Melyukova, A. I. 1998. K voprosu o datirovke ranneskifskikh strel. In: *Muzejni chitannya. Materiali Mizhnarodnoyi naukovoyi konferenczii, prisvyachenoyi 90-littyu z dnya narodzhennya vmdatnogo ukrajyn'skogo arkheologa O. I. Terenozhkina*. Kyiv: MIKU, s. 108-111.

Mogilov, O. D. 2008. *Spyradzhennya konya skifskoyi dobi u Lisostepu Skhidnoyi Yevropi*. Kyiv: Kamyanez-Podil'skij: IA NAN Ukrainy.

Murzin, V. Yu., Rolle, R. A. 1995. Spilni doslidzhennya arheologiv Ukrainy ta N'mmechini u Bilsku. *Poltavskij arheologichnij zbirnik*, 3, s. 50-56.

Okatenko, V. N., Skoryj, S. A., Zimovecz, R. V. 2018. Kurgan ranneskifskogo vremeni v Kharkovskoj oblasti. *Arheologiya i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (27), s. 219-235.

Olkhovskij, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya Stepnoj Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Perevodchikova, E. V. 1994. *Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evrazijskikh stepej skifskoy epokhi*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Petrenko, V. G. 1990. K voprosu o khronologii ranneskifskikh kurganov Czentralnogo Predkavkazya. In: Melyukova, A. I. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoj arheologii*. Moskva: IA AN SSSR, s. 60-81.

Pokrovskaya, E. F. 1973. Predskifskoe poselenie u s. Zhabotin. *Sovetskaia arheologiya*, 4, s. 169-188.

Polidovich, Yu. B. 2017. Odin iz motivov izobrazheniya gornogo kozla v ranneskifskom iskusstve. *Kratkie soobscheniia Instituta arheologii*, 248, s. 166-184.

Polin, S. V. 1987. Khronologiya rannoskifskikh pamyatok. *Arkheologiya*, 59, s. 17-36.

- Privalova, O. Ya., Zarajskaya, N. P., Privalov, A. I. 1982. Dvugorbaya Mogila. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepoj Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 148-178.
- Raskopki, N. I. Veselovskogo. 1913. *Otchet arheologicheskoy komissii za 1909—1910*. Sankt-Peterburg, s. 147-156.
- Ryabkova, T. V. 2005. Kurgan 524 u s. Zhabotin. In: *Chetvertaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya. Tezisy i doklady*. Krasnodar: Ofset-print, s. 240—243.
- Ryabkova, T. V. 2007. K voprosu o tipologii i proiskhozhdenii psaliev tipov «Zhabotin» i «Uashkhitu». In: *Rannii zaliznyi vik Yeurazin: do 100-richchia vid dnia narodzhennia Oleksiia Ivanovycha Terenozhkina: Materialy Mizhnarodnoi nauko-voi konferentsii (16—19 travnia 2007 r.)*. Kyiv; Chyhyryn: IA NANU, s. 131-135.
- Ryabkova, T. V. 2008. Bronzovyy sosud iz kurgana 524 u s. Zhaboty. In: *Sluchajnye nakhodki: khronologiya, atribuciya, istoriko-kulturnyy kontekst*. Sankt-Peterburg, s. 89.
- Ryabkova, T. V. 2009. Bronzovyy sosud iz kurgana 524 u s. Zhabotin. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu S. A. Skorogo*. Kiev; Poltava: IA NAN Ukrainy, s. 351-354.
- Ryabkova, T. V. 2010a. Klassifikaciya izobrazhenij s rombovidnymi znakami na predmetakh predskifskogo i ranneskifskogo vremeni. In: *Problemy khronologii i periodizacii arheologicheskikh kultur Severnogo Kavkaza: Tezisy dokladov*. Magas: Piligrim, s. 309-312.
- Ryabkova, T. V. 2010b. Cheshujchatye pancziri ranneskifskogo vremeni. *Arheologicheski sbornik Gosudarstvennogo Ermitaja*, 38, s. 87-106.
- Ryabkova, T. V. 2011. Izobrazheniya rombovidnykh znakov kak svidetelstvo migracij v epokhu rannikh kochevnikov. In: *Marguljanovskie chteniya 2011: Materialy mezhdunarodnoj arheologicheskoi konferencii*. Astana: Saryarka, s. 104-109.
- Ryabkova, T. V. 2012. Kolchannyj nabor iz kurgana 524 u s. Zhabotin. In: *Kulturny stepnoi Evrazii i ikh vzaimodejstvie s drevnimi tsvivilizatsiyami: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiyu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia rossijskogo arheologa Mikhaila Petrovicha Griaznova*. 2. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, s. 345-350.
- Ryabkova, T. V. 2014. Kurgan 524 u s. Zhabotin v sisteme pamyatnikov perioda skifskoj arkhaiki. *Arheologicheskij ezhegodnik*, 4, s. 372-432.
- Skorij, S. A. 1987. Pro skifskij etnokulturnij komponent u naselennya Dniprovskogo Lisostepovogo Pravoberezhzhya. *Arheologiya*, 60, s. 36-49.
- Skorij, S. A. 1990. *Kurgan Perepyatikha (lo etnokulturnoi istorii Dniprovskogo Lisostepovogo Pravoberezhzhya)*. Kyiv: Naukova dumka.
- Skorij, S. A. 1999. *Kimmerijczy v ukrainskoj Lesostepi*. Kiev; Potava: Arkheologiya.
- Skorij, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi*. Kiev: IA NAN Ukrainy.
- Skorij, S., Zimovec, R. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekcii*. Kiev: Oleg Filyuk.
- Skorij, S. A., Orlik, A. P., Zimovec, R. V., Karavajko, D. V. 2019. Skifskoe pogrebenie kurgana Orlikova Mogila na yuge Kirovogradshhiny. *Arheologiya i davnja istoriia Ukrainy*, 4 (33), s. 160-170.
- Smirnova, G. I. 1993. Pamyatniki Srednego Pridnestrovyia v khronologicheskoi skheme ranneskifskoi kultury. *Sovetskaja arheologiya*, 2, s. 101-118.
- Chernenko, E. V. 1968. *Skifskij dospekh*. Kiev: Naukova dumka.
- Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoj kultury*. Moskva: Nauka.
- Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. 1900. *Drevnosti Pridneprovyia*. 3. Kiev.
- Khvojka, V. V. 1904. Raskopki kurganov pri s. Ositnyazhke Chigirinskogo uezda Kievskoj gubernii. *Arheologicheskaya letopis yuga Rossii*, 1—2, s. 7-12.
- Erlikh, V. R. 1991. Bronzove uzdechnye nabory i problema khronologii predskifskogo i ranneskifskogo vremeni Zakubanya. In: Abramov, A. P., Gavritukhin, I. O., Paromov, Ya. M., Erlikh, V. R. (eds.). *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Pritchernomor'ya*. Moskva: IA RAN, s. 31-47.
- Erlikh, V. R. 1994. *U istokov ranneskifskogo kompleksa*. Moskva: Gosudarstvennyi Muzej Vostoka.
- Erlikh, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyj Kavkaz v nachale zheleznoogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov*. Moskva: Nauka.
- From Assyria... 2014. *From Assyria to Iberia. At the Dawn of the Classical Age*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- Kossack, G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. *Skythika*. München, S. 24-86.

S. A. Skory, R. V. Zimovets, V. N. Okatenko

THE BARROW 524 NEAR VILLAGE ZHABOTIN (New Research of the «Basic» Site of the Scythian Archaic Period in the Ukrainian Right-Bank Forest-Steppe)

The first excavations on this barrow were carried out in 1913 by the famous archaeologist Alexei Bobrinskoy. The central part of the mound was excavated by the pit.

The base of rather large ground wooden tomb buried in antiquity has been discovered there. The surviving items (weapons, horse equipment, pottery, small gold jewelry) later made it possible to date this mound to the end of the 7th century BC or ca. 7th—6th centuries BC.

Since the late 1980s, there has been a tendency — and, in our opinion, incorrect — of rather sharp aging of the Central tomb, and, accordingly, of whole barrow 524 near the village Zhabotin. It began to date ca. 8th—7th centuries BC, 750—700 BC, not later than the end of the 8th century BC, and finally, ca. mid- 8th century BC.

The Zhabotin 524 barrow began to be interpreted as the basic funeral monument of the Scythian archaic period in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe.

In 2019, the complete study of the barrow was made. By the time of the excavation it had a height of 3.0 m with a diameter of 55 × 50 m.

During the study, 12 profiles of the mound were obtained. They provided complete picture of its construction. The mound was constructed from humus in 2 stages. The first mound was directly made over the Central tomb. Its diameter is 24 m, the reconstructed height is up to 4.0 m. The mound was lined with radially wooden blocks. The second mound with a diameter of up to 50 m was fixed below by clay crepe. Reconstructed height up to 7.0 m.

Information on the Central Tomb, according to the number of signs, and first of all — to the sizes, differ from the information published by A. Bobrinskoy.

The actual dimensions of the tomb are not 35 m², but 22 m². From the southeast and northwest to the Central Tomb two ritual wooden platforms adjoined, one of which was badly burned. Next to them is open burial 2, covered by a tree. The male skeleton (14—18 years old) lay in the contracted position, without any goods. In our opinion, this burial should be considered as the sacrifice to the main noble deceased — a heavily armed Scythian equestrian warrior buried in the Central Tomb.

A few items from the Central Tomb were also found — bronze scales of the armour, the fragment of iron sword, but most important is the bronze plate in the form of a bull's head and the amphora handle. Judging by the composition of clay, it belongs to the vessels of Eastern Greek production. These findings are of fundamental importance: they cannot be dated by the time earlier than the late of the 7th century BC.

This situation made us once again turn to the most significant products, the so-called chronological indicators, discovered in 1913, on the basis of which the number of researchers were dated the Zhabotin 524 mound until the mid- 8th century BC.

These are arrow-heads, horse trappings, appliques decorated in animal style. Their analysis shows that these artifacts are not convincing arguments for such an early date for the barrow.

Keywords: barrow, Early Scythian period, Zhabotin, Tyasmin river basin.

C. A. Skoryi, P. V. Zimovec, V. M. Okatenko

КУРГАН 524 БІЛЯ с. ЖАБОТИН (нове у вивченні «опорної» пам'ятки скіфської архаїки в Українському Правобережному Лісостепу)

Перші розкопки на цьому кургані були здійснені у 1913 р. відомим археологом Олексієм Бобринським. При цьому була розкопана котлованом тільки центральна частина.

Під насипом відкрито основу великої дерев'яної гробниці, що була пограбована в давнину.

Речі, що збереглися (зброя, кінське спорядження, посуд, маленькі золоті прикраси), пізніше дали можливість датувати курган кінцем VII або рубежем VII—VI ст. до н. е.

Починаючи з кінця 1980-х рр. накреслилася тенденція і — як ми вважаємо, некоректна — подавлення Центрального поховання і, відповідно, всього кургану 524 біля с. Жаботин. Його почали датувати VIII—VII ст. до н. е., 750—700 рр. до н. е., але не раніше кінця VIII ст. до н. е. і нещодавно — серединою VIII ст. до н. е.

Жаботинський 524 курган почали інтерпретувати як опорну поховальну пам'ятку глибокої скіфської архаїки в Дніпровському Правобережному Лісостепу.

2019 р. було здійснене повне дослідження кургану. На час розкопок він мав висоту 3,0 м при параметрах 55 × 50 м.

Впродовж вивчення, було отримано 12 профілів насипу. Вони дали повне представлення щодо його будови. Насип був зроблений із чорнозему в 2 етапи.

Перший насип безпосередньо перекривав Центральну могилу. Його діаметр складає 24 м, висота сягає 4,0 м. Насип був перекритий зверху, радіально, дерев'яними блоками.

Другий насип, що мав діаметр майже 50 м, мав на схлонах глинисту крепиду. Його реконструйовано висотою до 7,0 м.

Інформація відносно Центральної Могили, і в першу чергу щодо її розмірів, відрізняється від інформації, опублікованої О. Бобринським. Фактична площа могили не складає 35 м², а лише 22 м².

На південний схід і на північний захід від Центральної Могили відкриті два ритуальних дерев'яних помостів, один з яких мав сліди горіння. Поряд з ними знайдена могила 2, що була покрита деревом.

Кістяк чоловіка (14—18 років) лежав на боці, в дуже стиснутій позиції, без будь-яких речей. На нашу думку, це поховання слід розглядати як жертву, присвячену головному знатному небіжчику — важкоозброєнному скіфському воїну, вершнику, що був похований у Центральній Могилі.

У Центральній Могилі було знайдено декілька речей: бронзові платівки від панциру, фрагменти залізного меча, але важливіше всього — бронзова пряжка у вигляді голови бика і ручка амфори. Беручи до уваги склад глини амофри, можна вважати, цей посуд належить східногрецькому виробництву.

Вказані знахідки є принципово важливими: їх не можна датувати часом раніше, ніж кінець VII ст. до н. е.

Ця ситуація змусила нас ще раз повернутись до так званих хроноіндикаторів, виявлених у 1913 р., на підставі яких ряд дослідників відносить курган Жаботин 524 до середини VIII ст. до н. е.

Це, перш за все, бронзові вістря стріл, деталі кінського спорядження, прираси у звіриному стилі.

Їх аналіз свідчить: ці артефакти не є переконливими аргументами щодо такої ранньої дати кургану.

Ключові слова: курган, ранній скіфський період, Жаботин, басейн річки Тясмин.

Одержано 1.06.2020

ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович, кандидат філософських наук, науковий співробітник, Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, вул. Трьохсвятительська, 4, Київ, 02000, Україна.

ZIMOVETS Roman, PhD of Philosophy, Researcher in Philosophy of Culture, Ethnics and Aesthetics Department, Grigory Skovoroda Institut of Philosophy National Academy of Sciences of Ukraine, Tryohsviatytska str., 4, Kyiv, 02000, Ukraine.
ORCID: 0000-0001-6045-6374, e-mail: romanzi-movets@gmail.com.

ОКАТЕНКО Віталій Миколайович, начальник Слобідської експедиції, науковий співробітник ДП «НДЦ «Охоронна археологічна служба України» ІА НАН України, вул. Космічна, 22, Харків, 61145, Україна.

OKATENKO Vitalii, Researcher, Head of the Slobozhansky Expedition, Archaeological Surveillance Service of Ukraine of the Institute of the Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, Kosmichna st., 22, Kharkiv, 61145, Ukraine.
ORCID: 0000-0002-9406-9353, e-mail: okatenkovitalij@gmail.com.

СКОРИЙ Сергій Анатолійович, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України, проспект Героїв Сталінграду, 12, Київ, 04210, Україна.

SKORY Serhiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, the Institut of Archeology, the National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu av.12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0002-7842-890X, e-mail: idanfirs@ukr.net.